

ОТ АВТОРА

Помните, как начинаются сказки? В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь... Впрочем, нужно ли говорить о некоторых? В истории были времена, которые нам, из сегодняшнего дня, и впрямь могли бы показаться сказочными. Времена, когда Россия не озиралась на иностранцев, а иностранцы озирались на Россию — с восхищением, почтением, страхом. Когда чужеземных гостей поражало благосостояние простых русских людей. А мудрые властители считали главным своим долгом обеспечить правду и справедливость для всех подданных.

Таким был, например, Иван Васильевич Грозный, заложивший основы православного «народного» царства, отстоявший его под ударами восточных завоевателей и западных держав, наметивший и распахнувший пути для расширения русских земель. Завершать начинания Грозного выпало другому царю — как ни парадоксально, носившему противоположное прозвище. Алексею Михайловичу Тишайшему. Он и в самом деле был Тишайшим. Но только до тех пор, пока никто не обидит русских и Православную Веру. А обидели — не взыщите, сами виноваты...

Мчались быстрые гонцы с царскими распоряжениями, открывались ворота богато украшенных городов. С барабанным боем и развернутыми знаменами маршировали полки стрельцов, расцвечивая дороги колоннами алых, синих, малиновых кафтанов. Горделиво вышагивали копытами великолепные лошади. Сверкая кирасами и шлемами, текли потоки государевой конницы. Молодецки гарцевали драгуны, рейтары, гусары, колыхались в строю и поблескивали на солнце начищенные стволы солдатских мушкетов. Содрогалась зем-

ля под повозками и лафетами мощной артиллерии. Русские неуждужимо наступали. С полей сражений, бросая оружие, бежали разгромленные польские армии. Горели и рушились шведские твердыни. Устилали трупами степь турецкие и татарские полчища. Меткие залпы отшвыривали прочь лавины китайцев и персов.

А под грозный рев пушек, под деловитый перестук топоров строителей, под благовест церковных колоколов и благодать молитв преобразовывалась и сама Русь. Воплощались пророчества о Третьем Риме, златоглавое Московское царство превращалось в несокрушимую и необозримую Российскую империю...

1. МИР И ЕВРОПЕЙСКОЕ ИГО

Какой народ родился не генетическим путем, от общих предков, не юридическим — по законодательным актам, а духовным? Наш с вами, русский. Родился в купели Крещения из десятков славянских, финских, балтских, угорских племен, из германских и тюркских добавок — все они, принимая Православие, становились русскими. Какая страна несколько раз умирала и воскресала? Наша с вами, Святая Русь. Она погибала в грязи раздоров, в ярости усобиц, в пожарищах иноземных нашествий. Она искупала грехи смирением и молитвами, жертвами и доблестью, воинскими и созидательными трудами, прошла через кровавое покаяние Куликова поля и множества безымянных подвигов. В XV—XVI вв. она вновь поднялась над Восточной Европой...

Хотя встать на ноги и укрепнуть ей было очень не просто. Ведь в это же время на юге наливалась могуществом Османская империя, раскинула владения от Алжира до Ирака, поглотила Балканы, Причерноморье, Крым, тянулась к Поволжью. Бурлил энергией и европейский Запад. Из феодального хаоса одна за другой возникали новоиспеченные державы — Франция, Испания, Англия. Римские папы одним росчерком пера делили земной шар, и в моря выплескивались хищные эскадры. Итальянцы монополизировали Средиземное море. Испанцы крушили древние цивилизации Америки, перехлестнули на Филиппины. Португальцы прибрали к рукам Бразилию, окружили петлей своих баз берега Африки, захватывали порты Аравии, Персии, Индии, Цейлон, Малакку, внедрились в Индонезии, Японии, Китае.

Началось повальное ограбление мира. В прежде нищую и темную Европу хлынули потоки богатств со всех континен-

тов. Рим торжествовал. Папы считали, что исполняется их давняя мечта о мировом владычестве, причисляли все новые страны в число подданных «святого престола». Но эти же потоки богатств меняли облик западных стран. Наступила эпоха Возрождения с разгулом роскоши, изысков, излишеств. Рушилась католическая мораль. Зашаталась и католическая церковь. Она и раньше имела слишком сильную «мирскую» составляющую — папы, архиепископы, епископы, выступали не столько духовными, сколько светскими властителями, а должности аббатов и священников оценивались только по размерам доходов. Соблазнов нового времени церковь не выдержала. Ее верхушка разлагалась, заражалась стяжательством и развратом.

Европейская знать откровенно отбрасывала стесняющие ее христианские ограничения. Иконы заменяли картинами голых венер и аполлонов, евангельские истины — философскими умствованиями, магией, астрологией. А многих, наоборот, возмущало падение веры. Не заставили себя искать учителя, взявшиеся по-своему домысливать религиозные вопросы, и возникло несколько течений Реформации. Впрочем, проблемы веры оказывались при этом второстепенными. Выбирались те учения, которые казались выгоднее.

Кого-то вполне удовлетворяло, что католические священники за мзду отпускают любые грехи. Так почему же не сохранить католицизм? Лютер отвергал верховенство пап, монашество, церковную собственность — что ж, германские и скандинавские дворяне с энтузиазмом приняли лютеранство, расхватили церковные земли. Анабаптисты проповедовали: если не признавать церковную власть, то зачем признавать светскую? Этим увлеклись крестьяне, громили и грабили всех подряд. В Англии бабник Генрих VIII всего лишь хотел жениться и разводиться по своему усмотрению. Поэтому ввел англиканскую церковь, сохранившую все обряды католической, но подчиняющуюся не папе, а королю. А Кальвин поучал, что каждый человек, вне зависимости от его земных дел, заведомо определен Богом к спасению или осуждению. Отличить «избранных» от «неизбранных» очень просто: тех, кого полюбил Господь, Он отмечает богатством. Участь «неизбранных» — повиноваться им и работать на них. Да и власть должна принадлежать не королям, а советам «избранных».

Теории Кальвина очень понравились французским дворянам, они позволяли не повиноваться королю и бунтовать. Кальвинизм пришелся по душе и ростовщикам, купцам, банкирам. Они-то получались ох какими «избранными»! Особенно вольготно их каста устроилась в Нидерландах. Эта страна входила в состав Испании. Испанские дворяне захватывали колонии за океаном, погибали в боях, умирали от тропических лихорадок, но торговать и заниматься промыслами им категорически запрещалось. Их добыча перевозилась на голландских кораблях, продавалась на голландских рынках и утекала в кошельки голландских толстосумов. А когда они достаточно разжирили, то призадумались — нужны ли им испанский король, уплата церковной десятины и прочие помехи? Не лучше ли править самим как они сочтут нужным? Под знаменем кальвинизма Нидерланды восстали.

Но и католицизм не собирался сдавать позиции. Рим развернул Контрреформацию. Точнее — Католическую Реформу. По сути, она тоже стала разновидностью Реформации, вылившись в кардинальные преобразования церкви. Руководство занялось ее «лечением», исправлением нравов священнослужителей. Разрабатывались масштабные пропагандистские программы, на это нацеливались квалифицированные проповедники, литература, искусство, система просвещения. А наряду с «пряником» совершенствовался кнут. Была реорганизована инквизиция, введена жесточайшая цензура. Возник орден иезуитов — фактически первая в мире разветвленная спецслужба, раскинувшая щупальца на разные государства. Инакомыслящих тащили на пытки и казни, а по Европе запольхали религиозные войны.

В протестантском лагере оказались Швеция, Дания, Англия, Голландия, Венгрия, швейцарские кантоны, Германия разделилась на лютеранские и католические княжества. А главными защитниками католицизма объявили себя две ветви Габсбургов, испанские короли и германские императоры. Правда, и на международной арене религиозные противоречия становились не более чем поводом для чисто «мирского» соперничества. Например, во Франции удержался католицизм, но она издавна боролась за первенство с Габсбургами, поэтому приняла сторону протестантов [17].

Дрались за верховенство в Европе, полезли и на другие континенты. Если Испания с Португалией покоряли страны

и народы под предлогом обращения в христианство, прикрывались грамотами, полученными от римских пап, то их противники обходились без подобных формальностей. При чем тут христианство и папы, когда открылась возможность пожить? Англичане утвердились в Северной Америке и Суринаме, учредили Ост-Индскую компанию, ее корабли ринулись на восток. Британцы охотно помогли персам и индусам воевать с португальцами, а за это получили право открыть фактории в иранских городах, построить первые крепости в Индии. Хотя они далеко не всегда играли в друзей. В Китае англичане сочли, что удобнее действовать напролом. Бомбардировали из пушек приморские города, вынудили правительство открыть порты для торговли.

Нидерланды еще не завершили «освободительную» войну с испанцами, но собирали войска и корабли не для собственного освобождения, а для порабощения чужих земель. Голландские тузы тоже создали Ост-Индскую компанию, предоставив ей беспрецедентные права. Она имела свою армию, флот, получила право объявлять войны, приобретать территории, казнить и миловать. В общем, само государство превратилось в придаток компании. Ее директора входили в правительство, пользовались ресурсами всей страны, а в дела компании не мог вмешиваться никто. Голландцы активно взялись завоёвывать Индонезию, возникла сеть портов и крепостей на Яве, Суматре, Борнео. У португальцев отняли Малакку, ряд островов, часть Бразилии, заняли о. Тайвань.

Кроме Ост-Индской Нидерланды основали еще и Вест-Индскую компанию. Взялись прибирать «бесхозные» острова в Карибском море. Заинтересовались меховой торговлей с индейцами, которую вели англичане, и на Гудзоне появилась колония Новые Нидерланды с центром в Нью-Амстердаме (ныне Нью-Йорк). Франция застолбила владения севернее, в Канаде. Колониальной державой решила стать и Швеция, в Америке образовалась Новая Швеция на месте нынешнего штата Делавэр. «Легальные» захваты перемешивались с пиратством. Английские, французские, голландские «джентльмены удачи» свирепствовали на морях, устраивали базы, где получалось зацепиться.

Но и Рим не оставлял проектов мировой «католической империи». Военные операции широко дополнялись тайными. В католических странах папские уполномоченные пристраи-

вались советниками к королям и вельможам, направляя их политику. В протестантских государствах иезуиты вели подрывную работу, устраивали заговоры, неугодные деятели погибали от рук убийц. А в страны Африки и Азии отправлялись десанты проповедников, попутно с религией внушали преклонение перед европейцами, готовили почву для дальнейших завоеваний.

России в полной мере пришлось столкнуться с западной экспансией. Причем итог борьбы сперва выглядел однозначным. Наша страна была совсем небольшой и не такой уж могущественной, а врагов у нее хватало. От берегов Балтики на русские земли нацеливались Швеция и Ливонский орден, новгородцам и псковичам то и дело доводилось отражать их атаки. Сразу за Можайском начинались владения Литвы, а ее прочно подпирала Польша, оплот воинствующего католицизма. Пограничными городами были и Тула, Калуга, Рязань, за ними лежало Дикое поле, где хозяйничали крымские татары и ногайцы, подданные Османской империи. Поволжье принадлежало казанцам и астраханцам, союзникам крымцев и турок. Где уж тут было уцелеть Русскому государству?

Но оно уцелело. Великие князья Иван III и Василий III сплотили вокруг Москвы удельные осколки, сдержали напор татар и католиков. Граница с Литвой начала вдруг сдвигаться не на восток, а на запад, до Смоленска и Чернигова. А первый русский царь Иван Грозный поднял Россию в полный рост. Она сокрушила и присоединила Казанское и Астраханское ханства, в битве при Молодях наголову разнесла турок и крымцев, надолго отбила у Османской империи охоту наступать на север. Наоборот, теперь русские стали продвигаться на юг, строить гигантские оборонительные системы, Большую засечную черту от Алатыря на Ряжск, Орел, Новгород-Северский. Под ее прикрытием осваивались плодородные черноземные края, до сих пор лежавшие нетронутыми. От Астрахани русские ратники выдвинулись на Северный Кавказ, встали на Тереке. Подданными царя признали себя донские, запорожские, терские, яицкие казаки. Поморские моряки добрались за Урал, построили город Мангазею, а казаки Ермака одолели Сибирское ханство. Следом за ними двинулись новые воины, купцы, охотники, землепашцы. Государство прирастало новыми землями [130]...

2. РОССИЯ В ОКРУЖЕНИИ ВРАГОВ

Наша страна никогда не была изолированной от Европы. В Москве, Новгороде и других городах издревле гостили и торговали итальянцы, немцы, венгры, скандинавы, наезжали западные посольства [35, 90]. В XVI в. пожаловали и англичане с голландцами. Причем британцы, потерпевшие крушение в северных морях и спасенные русскими, объявляли, будто они «открыли» Россию — так же, как европейцы «открывали» Америку, Индию, Китай. Но держава Ивана Грозного была не настолько легкой добычей, как индонезийские или африканские султанаты, западным странам пришлось налаживать с ней нормальные взаимовыгодные отношения.

Царь Иван Васильевич повел войну за балтийские порты, чтобы русские сами смогли включиться в международную торговлю. Под ударами государевых войск обрушился Ливонский орден. Но вот тут-то против России общим фронтом выступила половина Европы — Литва, Польша, Швеция, Дания, Трансильвания, их поддержали германский император и папа. В арсенале Запада, кроме мечей и пушек, нашлось и другое оружие, пропагандистское: соблазны европейских «свобод», нравов, образа жизни. Это оружие было совсем не безопасным. Под чужеземное влияние попадала знать, бояре завидовали положению польских панов, сильная власть царя раздражала их. То и дело они изменяли, составляли заговоры.

Рим не только вдохновлял, но и деятельно организовывал антироссийскую коалицию. Папская агентура блестяще провела операцию по слиянию Литвы и Польши. В этих странах был общий монарх Сигизмунд II, но поляки избирали короля, а у литовцев корона передавалась по наследству. Сигизмунда опутали иезуиты, при нем невесть откуда вынырнул проходимец Юрий Мнишек. Этот тип сосредоточил усилия на том, чтобы овдовевший король не женился и не заимел потомства, непрерывно поставлял ему на забаву самых симпатичных девиц. А когда Сигизмунд, истощенный чрезмерными удовольствиями, умер бездетным, польские магнаты заодно с католическим духовенством объединили два государства в одну республику, Речь Посполитую. Высокопоставленный иерарх иезуитов Антонио Поссевино посетил протестантскую

Швецию, добился обращения в католицизм короля Юхана и заключения союза с поляками.

Тот же Поссевино побывал и в России. Предполагалось, что поражения на фронтах вынудят Ивана Грозного к уступкам, он согласится подчинить папе Православную церковь. Но здесь папские эмиссары успеха не достигли. Наша страна выдержала массированное наступление западных держав, неприятели захлебнулись кровью под стенами русских крепостей. А на «заманчивые» предложения церковной унии Рим получил твердый и однозначный отказ. Ну что ж, не получилось обработать царя — враги пошли иным путем. Очередной заговор организовал приближенный Грозного Богдан Бельский, связанный с поляками, подключил государева родственника Бориса Годунова. Бельский ввел ко двору нового врача Иоганна Эйлофа, который, кстати, неоднократно общался с Поссевино и другими иезуитами [76, 130]. Иван Васильевич был отравлен.

Но и эти темные дела не принесли католикам ожидаемого результата. Годунов сам рвался к власти и избавился от Бельского, отправив его в ссылку. Царь Федор Иоаннович оказался таким же ревностным поборником Православия, как его отец, и Россия ничуть не ослабела, готова была дать отпор любым захватчикам. Тем не менее, Рим очень уж разохотился распространить свое влияние на всю Восточную Европу. Чтобы сокрушить русских, возник проект объединить Речь Посполитую еще и со Швецией. Короля Стефана Батория, как и Грозного, извели ядом, и протащили на польский престол шведского принца Сигизмунда III. Он целиком пел с голоса папских советников, на Украине, в Белоруссии и Литве развернулась бешеная атака на Православие. Удалось перекупить нескольких православных епископов, и в 1596 г. была принята Брестская уния.

Правда, польско-литовско-шведская сверхдержава так и не сложилась. Шведские протестанты не захотели терпеть над собой ярого католика и лишили Сигизмунда III своего престола. Зато как нельзя лучше удалась диверсия в России. Горючий материал для нее накопило правление Годунова. Был зарезан царевич Дмитрий, обрушились репрессии на аристократов, способных стать соперниками Бориса в борьбе за власть. Получив вождеденную корону, Годунов взялся за реформы по европейским образцам, закрепостил крестьян, за-

думал ликвидировать казачество. А родственники и клеветы нового царя пустились во все тяжкие, безоглядно хищничали. Тогда-то и появилась фигура Лжедмитрия.

Откуда? Достоверной информации об этом нет до сих пор. Но вокруг Самозванца обнаружилось те же самые личности, что и раньше были задействованы в тайных операциях Рима. «Первооткрывателем» и главным покровителем Лжедмитрия выступил не кто иной, как Юрий Мнишек. В свиту «царевича» вошла группа иезуитов — причем они заранее прошли солидную подготовку, свободно говорили по-русски и маскировались под православных священников. Когда отряды авантюриста вступили в Россию, в Италии было издано сочинение о «чудесном спасении царевича Дмитрия», в точности повторявшее легенду, которую рассказывал о себе он сам. Книгу мгновенно перевели с итальянского на немецкий, французский, испанский языки и латынь, распространяли большими тиражами, а автором являлся... все тот же Поссевино [50, 71]. А в Москве был организован переворот в пользу самозванца, и возглавил его еще один наш «знакомый», Богдан Бельский...

Народ был сбит с толку, видел в Лжедмитрии сына Ивана Грозного, продолжателя его политики. Следом за ним появились другие самозванцы и авантюристы, страна взорвалась Смутой. А уж дальше открылась дорога и для интервентов. Рухнули структуры государственной власти. Города и села превращались в пепелища, по разным оценкам, было уничтожено от четверти до трети населения. В Москве, Смоленске, Чернигове хозяйничали поляки, в Новгороде шведы, по разоренным уездам свободно разгуливали банды татар и просто разбойников. В Риме пышно праздновались польские победы над «еретиками», а при дворе Сигизмунда III открыто провозглашалось, что Россия должна стать «польским Новым Светом». Соответственно, русским людям отводилась судьба американских индейцев.

Однако праздновали слишком рано. Россия снова воскресла. Сохранилось Православие — оно и стало знаменем, собиравшим людей на борьбу. Высокую жизнеспособность показала система земского самоуправления, созданная в свое время Иваном Грозным, она смогла подменить государственные органы. Формировались рати, в 1612 г. они освободили Москву. На Земском Соборе наши предки сумели преодолеть

внутренний раздрай, отбросить все личные счеты и избрали на царство Михаила Федоровича Романова. Тяжелая война продолжалась еще 6 лет. Но противники постепенно выдыхались.

Первой согласилась мириться Швеция. Подсуетились англичане, их посол Джон Меррик выступил посредником в переговорах — отнюдь не бескорыстно, за дипломатические услуги он получил право беспошлинной торговли в русских городах. Но шведы вернули Новгород. Они удовлетворились, отобрав у России Карелию и земли, прилегающие к Неве, Финскому заливу и судоходной р. Нарове. Удовлетворились не из-за того, что малонаселенные леса и болота представляли особую ценность. Нет, Швеция видела выигрыш в том, что отрезала русских, своих основных конкурентов, от моря. А в 1618 г. удалось заключить Деулинское перемирие с поляками. За Речью Посполитой остались все области, которые она сумела захватить и удержать к окончанию войны — Смоленщина, Черниговщина, Северщина.

После 14 лет крови и хаоса Россия получила долгожданный мир. Фактическим властителем при молодом царе Михаиле стал его отец, мудрый и дальновидный патриарх Филарет. Под его руководством истерзанная страна выходила из разрухи, восстанавливала хозяйство, возрождала вооруженные силы. Филарет несколько лет находился в плену у поляков, и не понаслышке, а лично знал, что угроза с Запада никуда не исчезла. Его самого во время пребывания в неволе усиленно склоняли обратиться в унию. Филарет сумел схитрить — попросил, чтобы ему выделили лучших иезуитских преподавателей, разъяснили католическое богословие. Но от этих же «наставников» он собрал исчерпывающую информацию о замыслах католического руководства относительно России и Православия.

Перемирие с русскими поляки рассматривали только в качестве временной передышки, паны постоянно бряцали оружием, не признавали царем Михаила Федоровича, сохраняли царский титул за своим королевичем Владиславом. Решающая схватка была впереди, и Филарет готовился к ней. В Европе в это время заваривалась крутая каша. Чехия восстала против германского императора. Сразу сцепились между собой немецкие католики и протестанты, подключились Испания, Нидерланды, итальянские княжества, Венгрия, Франция,

Дания, Швеция. Грянула Тридцатилетняя война. Поляки в ней приняли сторону Габсбургов. Для России было вполне логичным поддерживать их врагов.

Филарет трезво оценивал возможности России. В сложившихся условиях возобновлять борьбу за выход к Балтике было бессмысленно. При тогдашних европейских порядках право на морскую торговлю требовалось подкреплять большим военным флотом, а строить его ослабленная страна все равно не могла. Поэтому патриарх взялся налаживать дружбу со шведским королем Густавом II Адольфом. Швеция стала первым государством, с которым Москва обменялась постоянными дипломатическими представительствами. А причины дружить были весомыми. Густав II Адольф был великолепным военачальником, создал лучшую в Европе армию. Громил немцев, датчан, испанцев, громил и поляков, отнял у них Ригу.

Патриарх тоже начал военную реформу. В апреле 1630 г. был издан указ о формировании полков «иноземного строя». За образец брались шведские войска, солдаты вооружались и обучались по шведским методикам, на должности офицеров и инструкторов приглашались иностранцы. Было образовано 10 таких полков — 6 солдатских, 2 рейтарских и 2 драгунских. Международная обстановка вроде бы обнадеживала. В Польше не прекращались гонения на Православие, украинские казаки и крестьяне поднимали восстания, присылали делегатов к царю, просили принять их в подданство. Филарет заключил союз с Турцией и секретное соглашение с Густавом II Адольфом: русские должны были ударить на Польшу с востока, а шведы с запада. А в 1632 г. умер Сигизмунд III, в Речи Посполитой настало «бескорольевье». Россия объявила ей войну...

Увы, расчеты не оправдались. Турция оказалась слишком ненадежным «другом». Вассал султана, крымский хан, получил щедрую плату от поляков и ударил не на них, а в спину русским, сорвав все планы. В Речи Посполитой избрали на трон королевича Владислава, а украинские казаки уважали его, связывали с ним надежды на улучшение своего положения, ожидаемых восстаний не последовало. В боях Тридцатилетней войны пал Густав II Адольф. Власть в Швеции перешла к регенту, канцлеру Оксеншерне, врагу России, и наступление на поляков с запада он отменил. А в октябре 1633 г. скончался Филарет. В Москве пошел разброд, управление нарушилось.

Король Владислав собрал все силы, окружил армию Шейна, осаждавшую Смоленск. После тяжелых боев она согласилась на почетную капитуляцию, остаткам воинов разрешили уйти, сдав врагу артиллерию и обозы. Но и поляки, пытаясь развивать наступление, потерпели серьезные поражения. 3 июня 1634 г. был заключен «вечный» Поляновский мир. Россия все же выиграла войну, хотя и с минимальными результатами. Владислав IV отказался от претензий на русский престол, признал Михаила Федоровича «царем и братом», Польша возвратила русским г. Серпейск с уездом. Но остальные утраченные земли остались под властью панов.

В мирные годы продолжилось бурное развитие и укрепление нашей державы. Первые крупные предприятия мануфактурного типа в России появились еще в XVI в., примерно в то же время, что и на Западе. А при Филарете развернулась настоящая промышленная революция — попозже, чем в Голландии и Англии, но намного раньше, чем во Франции, Испании, Польше. После смерти патриарха правительство возглавил один из его ближайших помощников, двоюродный брат царя Иван Борисович Черкасский. Полезные начинания не заглохли, а получили дальнейшую поддержку.

В Москве был реконструирован Пушечный двор, иностранцы называли его «литейным заводом... где льют много пушек и колоколов», были построены две «пороховых мельницы», новый Печатный двор. Расширялись казенные предприятия — Оружейная, Серебряная, Золотая палаты, ткацкая Хамовная изба, появилась шелковая мануфактура — Бархатный двор. В полной мере действовала частная инициатива русских купцов, дворян, монастырей, крестьян. По всей стране организовывались красильные и белильные мастерские, кирпичные заводы, кожевенные, поташные, суконные, ткацкие, солеваренные предприятия, судоверфи.

Речное судоходство на Руси вообще было очень интенсивным. Строились разные типы судов: челны (большие лодки), дощаники, насады, будары (грузовые баржи), струги — довольно крупные суда, достигавшие 30—35 т водоизмещения, были струги «с чердаки и чуланы» (с каютами и трюмами). В Холмогорах и Архангельске строились морские суда, кочи. А продукция здешних канатных дворов шла на экспорт, русскими канатами оснащались британские и голландские корабли. К подъему промышленности царская власть привле-

кала и иностранцев. Голландцы Марселис и Виниус получили лицензию на строительство Тульских «железоделательных» заводов, а итальянцы — Духанинского стекольного завода. В 1630-х гг. эти предприятия вошли в строй, стали выдавать продукцию.

Правительство Черкасского обратило внимание и на ошибки, проявившиеся в войне с поляками. В первую очередь они касались союза с Турцией. На него возлагались колоссальные надежды, а вместо пользы он обернулся бедствием. Как только царские войска ушли на запад, орды крымцев пожгли русские города, угнали множество пленных, на них пришлось перебрасывать все резервы. Словом, доверия такие «союзники» никак не заслуживали. Прежде, чем затевать новую схватку с Польшей, требовалось прочно прикрыть южные рубежи.

Михаил Федорович и его бояре обратились к опыту Ивана Грозного. Его Большая засечная черта показала высокую эффективность, но обветшала, валы оплыли от времени. Был принят смелый план не ремонтировать ее, а строить новую, Белгородскую черту на 200—400 км южнее, от Ахтырки на Белгород, Новый Оскол и Тамбов. На пути татарских набегов вставала мощная преграда, а Россия прирастала новой широкой полосой плодороднейшей земли. Там смогли бы поселиться крестьяне, росло производство зерна и доходы казны, царь получал возможность увеличить войско, наделить земель дворян, стрельцов, казаков.

Правда, в Москве понимали, что столь масштабное продвижение в Дикое поле в Крыму и Турции воспримут отнюдь не восторженно. Неизбежны столкновения, а то и война. Но Михаилу Федоровичу и Черкасскому неожиданно подыграли донские казаки. Они верно служили царю, хотя при этом сохраняли почти полную самостоятельность, жили по собственным законам. В 1637 г. у них вызрела идея захватить турецкий Азов. Государю стало об этом известно, но и правительство задумало сыграть тонко. Делало вид, будто ничего не знает о решении казаков, что они промышляют сами по себе, хотя тайно помогло им, прислало дополнительные боеприпасы, деньги, специалистов-минеров, позволило набирать добровольцев. Азов был взят, донцы провозгласили его «вольным христианским городом».

Четыре года крымцы и ногайцы напрягали все усилия, чтобы отбить его, в 1641 г. султан прислал 180-тысячную армию. Османы расвирепели и не собирались ограничиваться Азовом. Строили перспективы вообще оккупировать Дон, изгнать казаков, а потом развивать наступление на Астрахань и Казань. Но 6 тыс. казаков выдержали 4 месяца осады, 24 штурма и прогнали врага. Однако после перенесенных испытаний и донцы осознали, своими силами им город не удержать. Обратились к Михаилу Федоровичу, просили принять Азов «под государеву руку». На Дон поехала столичная комиссия, осмотрела крепость и выдала заключение — башни и стены совершенно разрушены, быстро восстановить их невозможно.

А царь созвал Земский Собор. Делегаты от разных городов и сословий взвесили все «за» и «против» и постановили: Азов в подданство не брать, но и казаков в обиду не давать. В 1642 г. к развалинам прибыла свежая турецкая армия. Казаки на этот раз не пытались отстоять их. Разрушили остатки укреплений и ушли. Но за то время, пока они отвлекали на себя крымцев и османов, по русским границам удалось беспрепятственно возвести цепь крепостей, между ними протянулись сплошные валы, рвы, засеки. А на Дон по решению Земского Собора были направлены воеводы с отрядами стрельцов. Великая река и ее притоки окончательно вошли в состав России.

Отношения с Турцией и Крымом после этого серьезно испортились. Но и со Швецией они стали совсем не блестящими. Победы на европейских фронтах кружили головы стокгольмским политикам. Канцлер Оксеншерна, правивший от лица малолетней королевы Христины, размышлял о создании обширной «Балтийской империи». Еще не выпутавшись из Тридцатилетней войны, шведы напали на Данию. Косились и на Русский Север, на новгородские земли, начались пограничные конфликты. А трения с турками и шведами чрезвычайно возбудили Польшу. Здесь образовалась скандальная антироссийская партия во главе с Иеремией Вишневецким. Шумела, что не признает Михаила Федоровича царем, не намерена считаться с мирными договорами, призывала к новому походу на Москву. Паны устроили провокацию, перебили крымское посольство, возвращавшееся из России. А польские

дипломаты в Стамбуле осаждали султана и великого визиря, предлагали союз.

Над Россией нависла угроза войны с целой коалицией агрессивных соседей. Государь и бояре наращивали оборону. Солдатские полки, созданные Филаретом, были сохранены, их разместили возле шведских границ, в Олонце и Старой Руссе. А кавалерийские части расположили на южных рубежах, только рейтарские полки преобразовали в драгунские — тяжелой бронированной коннице было трудно гоняться по степям за татарами. Но и крестьяне приграничных районов привыкли жить в условиях постоянной опасности, хорошо владели оружием. Из них было сформировано еще 4 драгунских полка.

Покойный патриарх Филарет стал автором не только военных и промышленных реформ. Он и его преемники в правительстве организовали отличную дипломатическую службу и разведку. В опасной ситуации 1640-х гг. она сыграла свою роль. В Молдавию был заслан молодой дворянин из Пскова Афанасий Ордин-Нащокин. Для видимости он поступил на службу к господарю Василию Лупулу, но имел секретные задания. Образованный и обходительный, он сумел добиться искренних симпатий господаря и молдавских бояр, склонил их к сотрудничеству с русскими, передал через них в Стамбул истинную информацию об убийстве крымских послов.

Среди православных подданных Османской империи и Польши Ордин-Нащокин навербовал агентов, через них досконально выяснил, что «партия войны» в Варшаве не так сильна, как хочет казаться, что паны всего лишь стращают русских и силятся натравить на них Турцию, а сами рассчитывают остаться в стороне. Удалось разузнать и о том, что творится в Стамбуле — у султана Ибрагима Безумного и великого визиря положение шаткое, население недовольно, бунтует, янычары волнуются. «Цифирными письмами» (шифровками) эти сведения пересылались в Москву, помогли выработать правильную линию.

В Варшаву поехало посольство Львова, в Стамбул — Милославского. Как с поляками, так и с турками русские заняли твердую позицию, не позволили взять себя «на пушку». Такой тон оказался вполне действенным. Поляки подергались-подергались и пошли на попятную, отказались от претензий на спорные территории, подтвердили обещание соблюдать ти-

тул царя. Да и великий визирь Мухаммед-паша смекнул, что Россия жертвовать Доном не намерена, а на Польшу надеяться нечего. Ну а еще одно поражение, как под Азовом, обошлось бы ему слишком дорого — запросто лишишься власти вместе с головой. Для марки поломался, поспорил и подписал договор о «мире и дружбе». Армию и флот Мухаммед-паша предпочел перебросить на другое направление — начал войну с Венецией, наметил отобрать у нее остров Крит.

Перевели на другое направление и Ордина-Нащокина — на западное. Его направили в родной Псков, поручили создать разведывательную сеть в Литве, Прибалтике, скандинавских странах. Швеция по-прежнему вела себя беспокойно, и Михаил Федорович решил несколько охладить ее воинственный пыл, заключить союз с Данией. Возникло даже предложение скрепить его браком, выдать царскую дочь Ирину за датского принца Вольдемара. В общем-то в этом не было ничего необычного, русские государи издревле вступали в родство с западными и византийскими властителями, при Иване Грозном и Годунове зарубежные королевичи считали за честь жениться на царских родственницах.

После Смуты авторитет России заметно упал, попытки Филарета сосватать за Михаила Федоровича датскую и бранденбургскую принцесс встретили высокомерный отказ. Но сейчас-то обстановка была иной. Наша страна опять вышла в число великих держав, а датчан шведы лупили в хвост и в гриву. Они с восторгом ухватились за русские предложения. Соглашались на любые условия, даже на то, чтобы их принца перекрестили в Православие. Вольдемар прибыл в Москву, был встречен с чрезвычайными почестями. Но произошло непредвиденное. Принц вдруг отрекся от всех договоренностей и наотрез отказался перекрещиваться. А браков с иноверцами русские законы не допускали.

Впрочем, религиозные воззрения Вольдемара не играли никакой роли. Перемены объяснялись тем, что вмешалась Франция. Спихватилась, не желая упускать протестантские страны из-под своего влияния. Пока посольства ездили между Москвой и Копенгагеном, обсуждая женитьбу, французский кардинал Мазарини выступил в роли посредника и примирил Данию со шведами. А сейчас датчане панически боялись, как бы союз с русскими не рассердил Стокгольм, искали повод расстроить его.

Разумеется, союз-то расстроился, но вдобавок разразился международный скандал. Королевич требовал отправить его на родину. Но ведь о свадьбе было уже объявлено, по понятиям той эпохи отказ Вольдемара наносил страшное «бесчестье» царю, царевне и всему государству. Принца задержали в Москве, пытались нажимом и уговорами все-таки склонить к согласию. Он упирался, дело зашло в полный тупик. Датчане возмутились таким обращением с принцем, принялись угрожать. В Польше немедленно воспрянула партия Иеремии Вишневецкого, требовала вступить в союз с Данией и вместе с ней бить русских... Но распутывать эти проблемы Михаилу Федоровичу уже не довелось.

3. ГОСУДАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Царевич Алексей родился 19 марта 1629 г. Как велось на Руси, до пятилетнего возраста он воспитывался на «женской» половине дворца под опекой мамок и нянек, потом перешел на «мужскую». Обучением Алексея занимались боярин Стрешнев, дьяк Прокофьев, подьячий Львов. Мальчик получил прекрасное для своего времени образование, освоил чтение, письмо, географию, арифметику, историю, церковное пение. Много читал, уже в 10 лет его личная библиотечка насчитывала 13 томов — там была православная литература, вышедший при Филарете русский учебник, «Букварь» Василия Бурцева, изданные в Польше на русском языке «Грамматика» и «Космография». Позже эта библиотека непрерывно пополнялась.

А «дядькой» Алексея, руководившим его воспитанием, назначили боярина Бориса Ивановича Морозова. Он был одним из богатейших людей России, считался «западником». Охотно общался с иностранцами, обставлял свой дом по европейским образцам. Выписывал импортную мебель, книги, механические диковинки, украшал стены картинами голландских мастеров. Впрочем, в Москве в XVII в. жило и служило много чужеземцев, и «западничество» Морозова не представлялось чем-то предосудительным. Иначе разве назначили бы его воспитывать наследника? Боярин заказал и для царевича немецкий костюмчик, игрушечные доспехи европейского образца. Это тоже не считалось грехом.

Но импортные вещи, обычаи, взгляды не считались и идеалом, который надо непременно перенимать. Пользовались какими-то удобными предметами, и не более того. Наши предки отдавали себе отчет, что за границей своя жизнь, у русских своя. Само собой подразумевалось, что немецкое платье — лишь игра, маскарад. Алексею и в голову не пришло бы пойти в таком костюмчике на официальное торжество или в церковь. Ну а Морозов не только развлекал наследника, а учил его военному делу, основам дипломатии, русского права. Придумал специальные беседы — ставил те или иные вопросы и обсуждал их вместе с царевичем, добиваясь, чтобы он сам находил правильные ответы.

Алексей был умным, энергичным и здоровым юношей. Он, как и его отец, любил верховую езду, охоту. Вера царевича в Бога была глубокой и искренней. Другом его детства стал постельничий Федя Ртищев — он был на два года старше Алексея и рос вместе с ним. Современники называли Федора «священномудрым» и «евангельским» человеком. Он и впрямь был необычной личностью — не имел врагов, прощал любые обиды, был начисто лишен честолюбия и какой-либо корысти. Через Федора Алексей приглашал к себе странников, паломников в святые места, ученых священников и монахов, слушал их рассказы.

1 сентября 1643 г., на праздновании Нового года, Михаил Федорович официально объявил народу сына в качестве преемника. А с весны 1645 г. царь начал прихварывать. Тогдашняя медицина помочь ему не смогла, государю становилось все хуже. В ночь на 13 июля он отошел в мир иной. В его браке с Евдокией Стрешневой родилось 10 детей. Но пережили отца лишь Алексей и три его сестры. 16-летнему наследнику пришлось принимать на свои плечи всю тяжесть государственной власти, сложные структуры управления, огромную державу.

Даже полный титул, который отныне должен был носить Алексей Михайлович, был длинным и громоздким, расписывался на целую страницу: «Великий государь, царь и великий князь, всея России самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных, го-

сударь и великий князь Новагорода Низовья земли, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея северная страны повелитель, государь Иверския страны, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих восточных, западных и северных государств и земель отчичу, дедичу и наследник, государь и обладатель».

Впрочем, это не было чисто русской особенностью. Титулам во всем мире придавалось первостепенное значение, от титула монарха зависел авторитет его государства. Казалось бы, мелочь на сегодняшний взгляд — имя какого правителя в договоре должно стоять первым, а какого вторым? Чей посол сидит «выше», а чей «ниже» на приемах? А в XVII в. на подобных «мелочах» строилась вся система международных отношений. Уступить кому-то первенство в «чести» понималось как признание чужого превосходства, автоматически вело к скатыванию государства вниз по лестнице дипломатической иерархии.

Титул был неотъемлемой частью политики. Так, владелец крохотного Шлезвиг-Гольштейна именовался «герцог Шлезвигский, Гольштейнский, Стормарнский и Дитмарсенский, граф Ольденбургский и Дельменгорстский». Пропустить в официальном документе, например, «графа Ольденбургского» означало усомниться в правах на обладание Ольденбургом. Это было смертельное оскорбление, подобного повода вполне хватало для войны. Аналогичным образом у французского короля титул включал все его провинции — он был одновременно дофином Дофине, герцогом Валентинуа, графом Прованским, графом Барселонским и т.д., и т.п.

У русских царей титул сложился исторически — он рос по мере присоединения к Москве Твери, Новгорода, Рязани. Когда начали подчинять сибирские племена, добавлялись «Обдорский», «Кондинский». Потом поняли, что уж слишком длинно получается, и закруглили общей фразой насчет «иных восточных и северных земель». Некоторые части титула не означали реальных владений, а были символическими или выражали претензии государств. Отсюда осторожная формулировка насчет «западных земель». А властители Грузии при Федоре Иоанновиче уступили царю титулы в обмен на денежную помощь. В обозримом будущем Москва никак не

собиралась присоединять Грузию, но титулы приняла — запас карман не тянет, авось пригодится.

Разумеется, молодому государю было невозможно сразу же подхватить колоссальную массу свалившихся на него дел. Потеряв отца, он не находил себя от горя. А мать, Евдокия, была женщиной скромной, незаметной, всегда держалась в тени, но настолько любила мужа, что утрата совсем сломила ее. Она пережила супруга всего на пять недель. Юный Алексей почти в одночасье остался круглым сиротой. Вторая трагедия вслед за первой потрясла его душу. Вместо положенных 40 дней он решил принять траур по родителям на целый год.

Но царю и незачем было самому вникать во все проблемы. По русским традициям, его опорой являлась Боярская дума. Она очень отличалась от собраний французской или немецкой знати, британской палаты лордов. На Руси боярство было не наследственным титулом, а чином. Его присваивали за службу. Представители аристократических родов начинали служить в званиях новиков или стряпчих, достойных произвели в стольники. Следующей ступенью были окольные — они находились «около» царя и входили в Думу. А уж дальше за те или иные отличия их могли пожаловать в бояре. Правда, иногда боярство давали родственникам царей и цариц. Но за особые заслуги высший чин могли получить не слишком знатные особы. А кроме них, в Думу входили думные дворяне, выходы из мелких помещиков, и думные дьяки — из служилых чиновников и престоляродья. Например, в середине XVII в. в ней насчитывалось 29 бояр (5 не из знати), 24 окольных, 6 думных дворян и 4 думных дьяка, и в целом Боярская дума была весьма компетентной и работоспособной.

Конечно, собирать по любому поводу 60 с лишним человек было нецелесообразно, и при царе существовала более узкая «ближняя» или «малая» дума. Она-то и выполняла функции правительства, ведала текущими делами, а важные вопросы предварительно прорабатывала. Их выносили на обсуждение Боярской думы, которая принимала постановления, имевшие силу законов. Формула таких постановлений гласила: «Царь повелел, и бояре приговорили».

Структуру исполнительной власти составляли приказы, аналог министерств и ведомств. В разные годы их было от 30 до 50. Посольский приказ ведал иностранными делами, Раз-

бойный — уголовными, Большой казны — финансами и т.д. Штаты этих учреждений были минимальными: 2—3 дьяка (старшие чиновники), несколько подьячих (их помощников) и писцов. Весь центральный «бюрократический аппарат» составлял 600—1000 человек. И ничего, справлялись! В административном отношении страна делилась на уезды и волости. В уезды назначались воеводы, им подчинялись волостные тиуны.

Но Россия не была абсолютистской державой. Еще Иван Грозный преобразовал ее в совершенно иной тип государства — «народную» монархию. Православный царь опирался на своих подданных, а подданные видели защиту в лице царя. Сильная центральная власть дополнялась широкой земской демократией на всех уровнях. Деревенские общины, городские сотни, концы, слободы выбирали свои органы самоуправления. А в каждом уезде одновременно действовали три ветви власти — воевода, земский староста и губной староста. Земский староста и его помощники выбирались «всем миром», ведали муниципальными вопросами, раскладкой и сбором налогов, разверсткой земли, строительством, торговлей. Губного старосту тоже выбирали — из служилых людей уезда, но он подчинялся Москве, Разбойному приказу, и расследовал уголовные дела.

А воевода являлся представителем государя, начальником гарнизона и судьей. Вмешиваться в дела выборных должностных лиц или смещать их он не имел права. Согласно Судебнику 1550 г., воевода не мог даже арестовать человека, не предъявив доказательства его вины земскому старосте и выборным целовальникам. Иначе староста был вправе освободить арестованного и вчинить воеводе иск «за бесчестье». Хотя, с другой стороны, и назначаемая администрация контролировала «демократическую». Ведь на выборах нередко побеждали местные толстосумы. Но если они начинали притеснять сограждан, те имели возможность обратиться к воеводе, который пересылал жалобы царю, назначавшему следствие. Впрочем, обратиться с челобитной непосредственно к государю имел право каждый житель России.

Ну а в тех случаях, когда требовалось решить важнейшие вопросы государственной жизни, царь советовался со «всей землей», созывал Земские Соборы. На них избирались деле-

гаты от разных городов, разных сословий. Эту практику тоже начал Иван Грозный, и Земские Соборы обладали огромнейшими полномочиями: утверждали законы, определяли, стоит ли вступать в войну. Мало того, они имели право избирать царей! Этим правом пользовались четырежды — после смерти Грозного выбрали Федора Иоанновича (из двух кандидатур), потом Годунова, во время Смуты — королевича Владислава, и наконец — Михаила Романова.

Именно земские структуры, привычка русских проявлять инициативу, организовываться без приказов «сверху» спасли страну в хаосе Смуты — «вертикаль» власти погибла, но «горизонтали» уцелели, обеспечили сопротивление врагам. Те же самые особенности помогли России преодолеть разруху, снова достичь могущества и процветания — Михаил Федорович активно привлекал к работе правительства «всю землю», при нем Земские Соборы созывались пять раз. Алексей Михайлович получил власть не по избранию, он был единственным претендентом на престол. Тем не менее, в Москве прошел Земский Собор, утвердил нового монарха на царстве и принес ему присягу от «всей земли».

Но в руководстве страны произошли значительные перемены. При юном царе главное место занял его воспитатель Морозов — Алексей Михайлович дружил с ним, привык внимательно воспринимать его советы. Прежние лидеры Боярской думы Иван Черкасский, Федор Шереметев, Никита Романов, Стрешневы, оказались оттеснены на второй план. Правительство возглавил сам Морозов, взял на себя управление приказами Большой казны, Стрелецким, Аптекарским и Новой чети (ведавшим доходами от винной монополии). Во главу Посольского приказа провел своего доверенного думного дьяка Назария Чистого, выдвинул князя Львова. А среди военных царь отметил Алексея Никитича Трубецкого. Он отлично проявил себя на воеводстве в Тобольске и Астрахани, умело организовывал оборону от кочевников. Потом командовал войсками на юге, прикрывал строительство засечных черт, готовил ратников к ожидавшейся схватке с Турцией. Алексею Михайловичу Трубецкой нравился, государь приблизил его, произвел в бояре. Что ж, хорошие военачальники были для России не лишними. Обстановка на границах оставалась тревожной...

4. ИСПЫТАНИЯ НА ПРОЧНОСТЬ

Политическая карта мира в середине XVII в. очень отличалась от современной. Например, извечная соперница России, Польша, была огромной державой, включала в себя Украину, Белоруссию, Смоленщину, Литву, часть Латвии, Восточную Пруссию. Дании принадлежала Норвегия. Швеции — Финляндия, Эстония, север Латвии, захваченные у русских Карелия и земли возле Финского залива. Владения Турции охватывали Северную Африку, Ближний Восток, Ирак, половину Закавказья, Венгрию, Балканы, Северное Причерноморье. Турок называли «потрясателями вселенной», они выставляли бесчисленные армии, имели первоклассную артиллерию и непобедимую пехоту — знаменитых янычар.

Впрочем, русским больше досаждали не турки, а их вассал, Крымское ханство. Оно тоже было не маленьким, кроме Крыма, включало в себя южные степи, Кубань. А беда состояла в том, что крымские татары сделали главным промыслом охоту за невольниками. Их загоны непрерывно налетали то на Русь, то на Польшу. Москва была вынуждена каждый год откупаться от татар богатыми «поминками», но и это не помогало. Если хан сам не шел на нашу страну, он отпускал «подкормиться» своих царевичей и мурз. Иначе он поступить и не мог — если бы он попытался запретить столь выгодные набеги, его свергли бы собственные подданные. А турецкий султан даже в те времена, когда заверял русских в дружбе или вступал с ними в союз, тоже не мог приструнить Крым. Татары отстегивали ему 10% добычи, на работоторговле гребли прибыли османские купцы, на их взятках и подношениях кормились султанские приближенные и советники.

На юге существовало еще несколько полунезависимых образований. На территории нынешнего Ставрополя кочевала Малая Ногайская орда, она зависела от крымского хана. Между Волгой и Яиком (Уралом) обитала Большая Ногайская орда. А Северный Кавказ делился на десятки мелких княжеств — черкесских, осетинских, кабардинских, в Дагестане существовали ханство Аварское, княжество Эндереевское, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, мюйсусьство Табасаранское, княжество Тюменское, владение

Цахурское. Горцы западной части Кавказа подчинялись туркам и крымцам, нередко присоединялись к татарским набегам. А князья Восточного Кавказа приняли подданство царю. Условия им были предоставлены самые что ни на есть мягкие — они полностью сохраняли внутреннее самоуправление, обычаи, веру, не платили дани, к ним не назначалась царская администрация. Зато горцы получали право торговать в русских городах, нередко поступали на службу.

Еще одним соседом России был Иран. В XVII в. он усилился, реорганизовал свои войска и начал войны с Турцией, пытаясь отобрать у нее Закавказье и Ирак. Персидские шахи старались дружить с Москвой, они закупали у русских огнестрельное оружие. Но и для нашей страны торговля с персами была крайне важной. Иран в это время стал главным мировым производителем шелка. А он очень дорого ценился на Западе — европейцы тогда мылись редко, и шелковая одежда была единственным эффективным средством от насекомых. Шелк везли по Волге, через Москву, и перепродавали через Ригу или Архангельск. Прямая торговля между иностранцами по русским законам запрещалась, на перепродаже богатели русские посредники, а в казну текли немалые пошлины. Англичане, голландцы, датчане, французы неоднократно уламывали царя дозволить им транзитную торговлю с Персией через Россию. Но государи строго блюли отечественные интересы и неизменно отказывали чужеземцам.

Однако и с Ираном приходилось держать ухо востро. Персидские властители лелеяли надежды покорить Северный Кавказ. Периодически выбирали подходящие, как им казалось, моменты, посылали войска. В таких случаях царское правительство реагировало жестко, а при угрозе разрыва отношений иранцы, как правило, отступали. Шах Аббас II пробовал действовать и другими методами, исподтишка. Влезал во внутренние дрязги дагестанских и кабардинских князей, стравливал их между собой, чтобы поддержать ту или иную сторону и привлечь под свое покровительство. Но и эти потуги были почти безуспешными. Жители Кавказа знали, какие налоги дерет шах со своих подданных, и предпочитали держаться русских.

В царствование Михаила Федоровича наша страна значительно расширила свои восточные пределы. Государевы служилые люди и «охочие» добровольцы закрепились в бассейне

Енисей, здесь возникли русские города и остроги. Отважные землепроходцы перешагнули на другую великую реку, Лену, установили связи с монголами, казак Петлин «со товарищи» побывал даже в Китае. Но в степях Центральной Азии случилось грандиозное переселение. В Джунгарии кочевал многочисленный народ калмыков (ойратов). У них выделился энергичный вождь, хунтайджи Батур, объединил разрозненные племена в сильное государство, обрушился войнами на владения Бухары, Хорезма, казахских ханов. Но далеко не всем калмыкам понравилось подчиняться Батуру. Четыре племени, 40 тыс. кибиток, отделились и двинулись на запад. Эта масса добралась до Урала и соединилась с Большой Ногайской ордой. Калмыки с ногайцами принялись нападать на русские сибирские города, вторгались в Поволжье.

В общем, во всех приграничных районах России жизнь была весьма беспокойной. Деревни строились и земля возделывалась только вблизи крепостей, чтобы крестьяне по первому сигналу опасности могли укрыться за стенами. Строительство Белгородской засечной черты в значительной степени обезопасило южные рубежи, но сами по себе валы и засеки могли только задержать, а не остановить степняков. Оборонительные системы надо было защищать. Каждую весну сюда направлялись дополнительные войска. Из Москвы, Владимира, Рязани, Твери и других городов выходили стрельцы, отряды дворянской конницы, текли за сотни километров на юг. Дежурили до холодов, пока не минует самое удобное время для набегов, потом возвращались по домам.

Гарнизоны стрельцов охраняли и Кавказ, несли службу в Терском городке. Крепостями были поволжские города — Астрахань, Царицын, Самара. Южный Урал прикрывала Уфа, низовья Яика — Гурьев. В Сибири неоднократно отражали врагов Тобольск, Тара, Туринск, Тюмень, Красноярск, Кузнецк, Ачинск, в плодородных районах на границе степей люди селились укрепленными слободами. Ну а передовым поясом обороны России служили казаки. Правительство привлекало их для участия в войнах, они выставляли в степи дозоры, сообщали воеводам ближайших городов об опасности. Нападали на татарские отряды, возвращавшиеся из набегов, отбивали полон. За это из Москвы на Дон ежегодно высылались хлебное, денежное жалованье, сукно, порох, свинец. Перевалочным пунктом был Воронеж. Еще Филарет повелел ос-

новать там пристани и верфи, на них строились ладьи для перевозки грузов казакам.

Запорожское Войско на Днепре числилось в подданстве Польши. Тем не менее донцы и запорожцы считали друг друга братьями. Да и то сказать, те и другие казаки главной своей задачей видели защиту христиан от «басурманского» хищничества, противник у них был общий и нередко они действовали вместе. В ответ на нашествия крымцев стаи запорожских и донских челнов выходили в море, громили турецкие и татарские прибрежные города. Султанские и ханские жалобы сыпались в Варшаву, в Москву. Но русское правительство было себе на уме. Оно в полной мере использовало возможность поддерживать мир со Стамбулом и Бахчисараем, а «неофициально» сурово наказывать их за нападения. Бояре вежливо заверяли турецких послов, что казаки люди вольные, царя не слушают, в свою очередь вываливали жалобы на крымцев, а при этом на Дон отправлялось «государево жалованье».

Кроме Донского, по границам России сформировались Гребенское (Терское) и Яицкое (Уральское) Казачьи Войска. Как уже отмечалось, в 1643 г. Дон окончательно вошел под власть Москвы, туда были направлены отряды царских войск. Но Михаил Федорович полностью сохранил традиции казаков, их особые законы «войскового права», власть выборных атаманов. Воеводам было предписано действовать «заодно с казаками под атаманским началом». А в Сибирь посылали служилых казаков. Их набирали из добровольцев, главным образом, на Русском Севере — из поморов, жителей Устюга, Вологды, Вятки, Перми. Они получали оружие, жалованье, но атаманы у них были не выборными, а назначаемыми — чин атамана соответствовал командиру над пятью сотнями.

Смерть Михаила Федоровича сразу же сказалась на отношениях России с ее соседями. Правда, траур в Москве стал удобным предлогом замять затянувшийся скандал с Данией. Принца Вольдемара без лишнего шума выпроводили на родину — теперь свадьба царевны Ирины отменилась как бы по «уважительной причине», без «урона чести». Но поляки решили испробовать: вдруг у русских начнутся разборки, власть ослабеет, молодой царь растеряется? В Москву прибыл посол Стемпковский, повел себя нагло и высокомерно. Снова вспомнил о спорных территориях, предъявил ультиматум — уступить их, выдать православных перебежчиков-украин-

цев. Недвусмысленно намекал, что отказ будет означать войну. Однако в Посольском приказе было известно, что Польша сражаться не готова и не собирается. Сделали должный вывод, что Варшава блефует, пробует что-нибудь урвать нахрапом. Стемпковскому дали от ворот поворот.

Оживились и Турция с Крымом. Договор о «мире и дружбе» заключали с Михаилом Федоровичем, а сейчас его не стало. Может, все-таки получится ликвидировать досаждающую помеху, донских казаков, расквитаться за Азов? В июле, когда еще звонили погребальные колокола по государю, крымский царевич Девлет-Гирей Нуреддин решил нанести неожиданный удар. На Дону в это время отстраивалась казачья столица, Черкасск, находились воеводы Кондырев и Красников со стрельцами, царское правительство поручило воеводам вербовать и «новых казаков» из желающих вольных людей. 5 тыс. татар скрытно подобрались к Черкасску и ночью налетели на город. Об этом им пришлось пожалеть. Сторожевая служба у стрельцов и казаков была налажена отменно, захватить себя врасплох они не позволили. Штурм отразили, многих атакующих положили на месте, и Нуреддин отступил на Кагальник.

Атаманы Петров, Васильев и воеводы обсудили положение и сошлись во мнении, что врагов надо проучить покрепче, иначе и впредь житья не дадут. Собрали 7100 казаков и царских ратников, пеших посадили на струги, конница пошла берегом. Спустились по Дону, оставили лодки, отыскиали в степи лагерь Нуреддина. Вот у них-то атака получилась внезапной, разбитые крымцы покатались к Азову, послали туда гонцов с просьбой о подмоге. Из города выступил паша с 6 тыс. янычар и спагов (отборная турецкая конница). Теперь противники превосходили почти вдвое, навалились на атаманов и воевод, теснили их. Часть стрельцов была необстрелянными новичками, а «новые казаки» набирались кто откуда. Они запаниковали, побежали. Примчались к стоянке стругов, отчалили удирать, а «лишние» порубили, чтобы неприятели не погнались.

Но настоящие казаки и опытные стрельцы устояли. Сомкнулись строем, упорно отражали атаку за атакой. Все больше татар и турок падали под меткими пулями и ударами сабель. Наконец, Нуреддин не выдержал, развернул своих всадников и повел к Крым. После этого и паше оставалось только от-

ходить назад в Азов. А казаки и воеводы бросили конницу в преследование, трепали крымцев до самого Перекопа. С донесением о победе в Москву поехала станица во главе с атаманом Васильевым. Алексей Михайлович одобрил действия черкасских начальников, пожаловал «нашему Донскому Войску, атаманам и казакам, нашего царского величества знамя». Похвалил «бившихся честно», а дезертиров велел бить кнутом, «чтоб такое воровство другим было не в повадку».

На будущее казакам ставилась задача: «Крымцев и ногаев воевать, а с турскими людьми под Азовом жить мирно». То есть, избегать столкновений с Османской империей, но ее разбойничающим вассалам государь больше спускать не намеревался. Хотя поражение ничуть не образумило татар. В декабре стало известно, что царевичи Калга и Нуреддин со значительными силами приближаются к русским пограничным городам. Царь назначил большим воеводой (главнокомандующим) Алексея Трубецкого. Он немедленно выехал в Тулу, быстро собрал войска, расставляя их на опасных направлениях. Крымцы узнали, что их уже ждут, и на рожон не полезли, ушли прочь.

Алексей Михайлович и его бояре прекрасно понимали, почему султан и хан так настойчиво стремятся завладеть донскими землями. Понимали и то, насколько важно удержать их — это был стратегический плацдарм всей южной обороны России, а если понадобится, то и наступления. Но казаков в Войске Донском насчитывалось не так уж много, 10 — 15 тыс. Было решено подкрепить их. В 1646 г. Алексей Михайлович издал указ, официально дозволивший вольным людям всех сословий уходить на Дон. При этом молодой царь, как и его отец, не покушался на традиции казаков и их самостоятельность. Негласно признал даже право принимать беглых: «с Дона выдачи нет». Эмигрант Котошихин писал: «А люди и крестьяне, быв на Дону хоть одну неделю или месяц, а случится им с чем-нибудь в Москву отъехать, и до них впредь дела не бывает никому, потому что Доном от всех бед освобождаются».

Конечно, далеко не все беглые и пришлые добровольцы пополняли ряды казаков. Они могли селиться на Дону, и не более того. Да и казаки взяли бы к себе не каждого. С одной стороны, кому интересно, если незнакомый человек подведет товарищей в бою, как уже случилось с воеводскими «новыми

казаками»? С другой, присылаемое царем жалованье было ограниченным. Делить его на возрастающее количество людей казакам тоже не улыбалось. Но пришлые помогали осваивать донские края, платили подати в войсковую казну. А некоторые из них действительно приживались в казачьей среде, хорошо проявляли себя в караулах, в боевых действиях — таких на кругу верстали в Войско.

На Дону были усилены и контингенты царских войск. В Астрахани для этого собирал ратников князь Семен Пожарский, по городам южной окраины — стольник Григорий Ромодановский. А в Стамбул отправилось посольство для непростых переговоров. Великий визирь, как и поляки, учитывал, что царь в Москве уже другой, молодой. Почему бы не попробовать воспользоваться? Грозно наехал на русских, принялся требовать «свести» казаков с Дона. Но ему дали понять, что новое правительство отнюдь не настроено сдавать позиции. Мало того, будет отстаивать их более решительно, чем прежде. Послы твердо заявили, что об изгнании казаков даже речи быть не может, а вот с Крымом Москва поддерживает отношения только благодаря «дружбе» с султаном, и на все враждебные вылазки отныне будет отвечать.

Слова подкрепили делом — летом 1646 г. Алексей Михайлович повелел готовиться к походу на Крым. Приказал «быть в сходе» дворянскому ополчению, стрелецким частям, полкам «нового строя» — «и драгуном, и солдатом». В походе собирался участвовать и сам государь. Боярин Трубецкой был назначен «большим», а также «дворцовым» воеводой, под его начало передавался личный царский полк. На судовой верфи в Воронеже развернулось строительство челнов и стругов. Турки об этом узнали от пленного казака, под пыткой он сообщил, что в Воронеже сооружают 500 стругов и 300 в Черкасске.

Возможно, он преувеличил, запугивая своих мучителей, но в Стамбуле пришли в ужас. Струг брал на борт 50—70 человек, и 800 судов могли перевезти армию в 40—60 тыс. Великий визирь разбушевался. Велел посадить русских послов в Семибашенный замок, кричал на них — если хоть одна казачья лодка выйдет в море, «сожгу вас в пепел». Требовал, «если хотите живыми быть», послать гонцов и остановить нападение. Но положение самой Турции было сложным. Война с венецианцами за Крит оказалась не такой легкой, как сперва

представлялось. Венеция была богатой республикой, нанимала солдат по всей Европе, османы завязли в боях. Поссориться еще и с Россией было для них совершенно некстати.

Но на самом-то деле и Москва не испытывала никакого желания сражаться. На пути к Крыму пришлось бы преодолеть сотни верст безводных степей, полуостров защищали мощные укрепления Перекопа. Завоевать его в условиях XVII в. было невозможно. Поэтому подготовка похода являлась лишь масштабной демонстрацией, и своей цели она достигла. Турки покипятились-покипятились и... согласились подтвердить мир. Признали включение Дона в состав России, султан послал крымскому хану приказ прекратить провокации. А царь, соответственно, «смилоствивился», отменил поход.

Испытать русские границу на прочность решился и иранский шах Аббас II. А вдруг получится реализовать давние планы, влезть на Северный Кавказ? В качестве плацдарма для дальнейших захватов шах наметил Кайтаг. Отправил большое войско, оно погромило Дагестан, изгнало Кайтагского уцмий Рустам-хана, верного России, и на его место посадило ставленника персов Амир-хан Султана. Аббас распорядился построить крепость в селении Башлы, разместить в ней персидский гарнизон. Но другие горские правители сразу обратились к царю. Эндереевский князь Казанлип заверял его: «Яз с кизилбашскими (*т.е. персидскими*) и с Крымом и с турками не ссылаюсь, холоп ваш государев крепкий». Молил, если на него начнут посягать иранцы, «дать на помощь астраханских и терских ратных людей».

Алексей Михайлович тут же принял должные меры. К терскому воеводе полетел приказ привести войска в боевую готовность и выступить при первой необходимости. На Терек двинулись полки из Астрахани и Казани. А шаху был предъявлен ультиматум — немедленно очистить Дагестан. Аббас понял, что перемены в России ничуть не сказались на ее обороноспособности, предпочел отозвать своих воинов. Это чрезвычайно подняло авторитет нового государя среди кавказских жителей. Ему принесли присягу Тарковский шахмал, Аварский хан, Эндереевский князь, абазины, князья кумыков, Большая, Малая и Анзорова Кабарда. А поставленный персами а Кайтаге Амир-хан перетрусил, заверял терского воеводу, что готов быть «под его царскою и шах Аббасова величества

рукою в опчем холопстве», а ежели шах не будет возражать, то и в царском «неотступном холопстве».

Из Волго-Уральских степей России по-прежнему досаждали набегами калмыки с ногайцами. Алексей Михайлович и правительство Морозова наметили пресечь их безобразия. Способ выбрали такой же, как на юге — засечные черты. На р. Барыш была заложена крепость Корсунь, а на Волге — Симбирск. Между ними протянули Корсунь-Симбирскую линию протяженностью 165 верст. В лесах рубились сплошные засеки, непроходимые для конницы, на открытых местах копался ров и насыпался десятиметровый вал с частоколом. Через каждые 20—30 верст ставились острожки для дежурных подразделений, а в районе Тамбова Корсунь-Симбирская черта смыкалась с Белгородской. Таким образом, густонаселенные районы Центральной России оказались опоясаны единой системой укреплений.

Смена государя стала горячим временем для Посольского приказа. По дипломатическому этикету, о его восшествии на престол требовалось официально известить державы, с которыми регулярно контактировала Россия. Посольства с такими объявлениями были отправлены в Англию, Голландию, Данию, Швецию, Польшу, к германскому императору Фердинанду III. К восточной ветви калмыков, в Джунгарскую державу хунтайджи Батура, поехала дипломатическая миссия дьяка Грибова. Переговоры были успешными. Алексей Михайлович прислал Батуру грамоту, даровал ему право беспошлинно торговать в городах Сибири, пригонять лошадей для продажи в Астрахань, в Томске калмыцким купцам выделялось специальное место. А Батур, в свою очередь, согласился поддерживать добрые отношения с Россией, запретил своим подданным задевать ее владения.

5. МОСКВА ЗЛАТОГЛАВАЯ

Венгерский путешественник Эрколе Зани писал о тогдашней Москве: «Я удивлен громадностью города. Он превосходит любой из европейских или азиатских... пешком ходить невозможно, и надо ездить. Для этого почти на каждой улице стоят наготове извозчики с санями и повозками. В городе живет несчетное множество народа — иные насчитывают мил-

лион, а иные, более сведущие, более 700 тысяч. Без сомнения, он втрое больше виденных мною Парижа и Лондона. ... Хотя большая часть строений там из дерева, однако снаружи они довольно красивы и попеременно с хоромами бояр представляют чудесный вид. Улицы широки и прямы, много обширных площадей; выложен он толстыми круглыми сплошными бревнами... При каждом жилище или боярских хоромах дворы, службы, баня и сад».

Насчет 700 тыс. жителей иностранцы явно преувеличивали, но Москва и впрямь была одним из крупнейших городов земного шара. Павел Алеппский оценивал ее окружность в 30 верст, Таннер — в 45. Койэтт сообщал, что в городе насчитывалось 95 тыс. домов, «не считая дворов и церквей». Отмечали и то, что русская столица была «богатейшим и прекраснейшим в мире городом» (Перри). «Климат в ней довольно мягкий и местоположение ее весьма красиво, она поражает своими приблизительно 2 тысячами церквей, которые придают городу великолепный вид» (Рейтенфельс). Голландский художник Корнелий де Бруин расхваливал «чрезвычайно красивые деревянные постройки» и множество «красивых каменных зданий».

Москва делилась на пять частей — Кремль, Китай-город, Белый город, Замоскворечье и Земляной город. Вид Кремля отличался от нынешнего. На гравюрах той эпохи перед нами предстает настоящий «сказочный» город — из-за стен видны многочисленные терема, фигурные кровли, башенки, флюгера. Но Кремль еще сохранял свое прямое назначение — крепости. Его стены были окружены глубокими рвами и «снабжены великолепными орудиями и солдатами». Подступы к шести воротам прикрывались предмостными укреплениями (из них сохранилась только Кутафья башня). Водовзводная башня играла роль водонапорной, в ней находился колодец и насосы для подачи воды. На Набатной башне висел сигнальный колокол. А на Спасской были часы с боем. Циферблат их делился не на 12, а на 24 часа, они вызванивали на колоколах «музыкальную гамму... наподобие чешских» (Таннер).

Олеарий описывал: «Внутри Кремля находится много великолепных построек из камня: зданий, дворцов и церквей, которые заселены и посещаются великим князем, патриархом, знатнейшими государственными советниками и вельможами». Хотя Кремль посещался не только «знатнейшими»,

сюда мог зайти по своим делам любой простолюдин. Здесь располагались царские палаты, Грановитая и Золотая. В них принимали послов, заседала Боярская Дума. Но жил царь не в палатах, а в деревянном Теремном дворце. Он возвышался пятью ярусами, лучшие мастера вложили в постройки свое искусство и фантазию. Именно этот дворец придавал Кремлю «сказочный» вид фигурными маковками и башенками.

Убранство государевой резиденции вызывало у посетителей не меньшее восхищение, чем ее внешний вид. «Изнутри дворцы настолько изукрашены и обвешаны персидскими коврами, столь восхитительно выработанными золотом, серебром и шелками, что не знаешь от удивления, куда направлять свои взоры. Там можно видеть такое собрание золота, драгоценных камней, жемчуга и великолепных предметов, что нет возможности всего описать» (Айрман). Комнаты обивались атласом, тисненой кожей, стены украшались затейливой росписью. Печи топились в подвалах, а горячий воздух шел по трубам и подавался в помещения через хитро устроенные «душники». Охрану царя несли 2 тыс. стрельцов. В одну смену на посты выставлялось 250 человек. Это были отборные, вышколенные воины. Коллинз писал: «Телохранители и стража при его дворе стоят, как безгласные неподвижные истуканы».

Главной площадью Кремля являлась Соборная. Ее окружали Успенский собор, собор Михаила Архангела (где была усыпальница царей) и Благовещенский (он считался семейной, «домовой церковью» государей). Второй площадью была Ивановская — названная по колокольне Ивана Великого. На ней находился самый крупный в мире колокол — 70-тонный Успенский. А всего колокольня Ивана Великого имела 37 колоколов — и «дискантовые», и «альтовые», и «теноровые», и «басовые», вместе они «составляют между собой музыкальную гармонию» (Таннер). На Ивановскую площадь выходило несколько приказов. Тут же, с крыльца, подьячие зачитывали указы и решения (отсюда и поговорка «орет на всю Ивановскую»). Кроме того, в Кремле располагались аптека, Оружейная палата, храм Ризоположения, Чудов и Вознесенский монастыри, подворья 8 других монастырей. В Чудовом действовала школа. В ней готовились квалифицированные священники, кадры для дипломатической работы.

К Кремлю примыкал Китай-город. Его границы проходили примерно по нынешним Китайгородскому проезду, Старой и Новой площадям, Театральному проезду и Охотному ряду. Тут жили князья, вельможи, богатейшие купцы. Вокруг Красной площади находилось большинство приказов и Земская изба — центр городского самоуправления. Для оглашения указов и различных торжественных мероприятий служило Лобное место. Иностранцев удивляли огромные пушки — в обоих концах площади стояло по два орудия, в которых «человек может сидеть» (Павел Алеппский).

Ну а сама Красная площадь была «полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и праздношатающихся». Она и прилегающие к ней улицы служили столичным рынком. Для разных товаров предназначались особые ряды. На Западе такого порядка не существовало, и европейцы хвалили его как очень удобный — «каждый, благодаря ему, знает, куда ему пойти и где получить то, что надо». Торговых рядов было более 120. Хлебный, Калашный, Пряничный, Ветчинный, Сальный, Мясной, Просольный, Свежий (торговавший рыбой), Охотный, Капустный, Луковичный, Чесночный, Огуречный, Яблочный, Дынный, Кафтанный, Шубный, Кушачный, Шапочный, Рукавишный, Зеркальный, Фонарный, Иконный, два свечных.

В других рядах торговали шелком и сукном, чулками, коврами, церковными облачениями и утварью, изделиями золотых дел мастеров, шорников, сапожников, скорняков. Особое место было отведено даже для старого тряпья — Ветошный ряд. Существовал и Книжный ряд «длиной в целую милю» (Айрман). То есть, спрос на интеллектуальную продукцию был немалый. А в Зелейном ряду, торговавшем лекарственными растениями и прочими медицинскими снадобьями, можно было нанять «лечьца», «зубоволока», «костоправа», «кровопуска», «бабичьих дел мастера». Некоторые ряды были открытыми, из столов с навесами. Другие представляли собой шеренги и целые улицы каменных лавок.

Русские изделия считались очень качественными. Павел Алеппский расхваливал котлы, сковороды, умывальники «превосходной работы», Кильбургер — Лоскутный ряд «где продают всякие вещи, а между оными прекраснейшие и дорогие, так что по справедливости можно считать его между лучшими рядами и назвать иначе». Таннер высоко оценивал деревянные ложки и кубки «изящной формы». Земская изба и

городские чиновники наблюдали за чистотой на рынках, взимали пошлины. В отдельном месте цирюльники стригли и брили желающих — его называли «Вшивым рынком». Разумеется, в насмешку — с насекомыми у чистоплотных москвичей обстояло куда благополучнее, чем у парижан и лондонцев. А неподалеку от Красной площади располагалось 200 винных и яблочных погребков. Это были не кабаки — тут продавали дорогие импортные вина, выдержанные меда, напитки из вишни и малины. Продавали оптом, в бочонках. Но желающий мог взять и в склянках, на пробу, тут же продегустировать разные сорта, закусывая наливным яблочком.

На базаре осуществляли телесное наказание преступников — их так и называли «торговой казнью». Но более серьезных преступников, осужденных на смерть, в центре города не казнили. Для этого был отведен пустырь на отшибе, на Козьем болоте. Центральная тюрьма располагалась в Кремле, в подвале Троицкой башни. В ней содержали подсудимых. А в двух тюрьмах за Неглинной помещали тех, кто ждал отправки в ссылку.

В Москве одновременно проживало до тысячи иностранных купцов. Для них предназначалось два двухэтажных гостиных двора, немецкий и персидский. При немецком, где продавались европейские товары, находились склады, большие городские весы, взимались пошлины, там же была биржа, где заключались крупные сделки. Персидское подворье было «просторно и имело резные деревянные палаты» (Бурх). По периметру, под сводом, устроилось 200 лавок, конторы менял, готовых поменять европейские, азиатские, русские деньги.

Айрман описывал пестрые сборища «персиян, татар, киргизов, турок, поляков... лифляндцев, шведов, финнов, голландцев, англичан, французов, итальянцев, испанцев, португальцев, немцев из Гамбурга, Любека, Дании». Отмечал, что рядом с их лавками постоянно околачивались «многие» русские, знающие иностранные языки, поэтому покупатель здесь «в любое время найдет переводчика, который быстро сумеет навязать свои услуги». А всего в городе насчитывали до 40 тыс. лавок и магазинчиков. «В городе Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы в ином целом княжестве» (Кильбургер).

Чужеземцев поражало изобилие товаров, стекавшихся на рынки нашей столицы. Удивляли их и цены. Мясо было настолько дешево, что его продавали не на вес, а тушами или рубили на глазок. Кур и уток продавали «сороками». Восточные товары попадали на Русь напрямую, без посредников, и стоили на порядок меньше, чем в Европе. Таннер писал: «Мелкие граненые рубины до того дешевы, что продаются на фунты — 20 московских или немецких флоринов за фунт». Женщины из простонародья носили золотые и серебряные украшения, на праздники наряжались в шелка и бархат, для русских в этом не было ничего необычного. Пряности на Западе стоили баснословно дорого, а на Руси их могли себе позволить люди скромного достатка, добавляли в выпечку, делая пряники. Австриец Гейс, рассуждая о «русском богатстве», констатировал: «А в Германии, пожалуй, и не поверили бы».

В Китай-городе находился и комплекс дипломатического ведомства — четыре больших корпуса Посольского приказа, а по соседству — Посольские подворье для иностранных делегаций. Это было внушительное строение, рассчитанное на 400 человек, с кабинетами, залами, жилыми и складскими помещениями. По углам подворье украшали башенки, а у входа высилась башня с тремя балконами на разных уровнях, чтобы чужеземные послы могли полюбоваться на Москву. Неподалеку располагались «великолепнейшее здание» Печатного двора и Греческое подворье — для зарубежных православных делегаций. Парадными воротами в Китайгородской стене служили Неглинные. Они были покрыты позолоченной медью, а над воротами находилось помещение, из которого царь и царица «неофициально» наблюдали за торжественными въездами иностранных послов.

На юг от Китай-города лежало Замоскворечье, стрельческие и ремесленные слободы. От Красной площади туда вел «живой мост». Вообще в Москве было несколько деревянных мостов на сваях, а этот был «на судах», понтонный. Писали, что он «возбуждает большое удивление» — широкий и просторный, как улица. Настил был сделан из больших деревянных брусков и поддерживался на канатах, крепившихся к башням на берегах. «На этом мосту есть лавки, где происходит бойкая торговля; на нем большое движение; мы постоянно ходили туда на прогулку. По этому мосту идет путь в Ка-

лугу, Путивль, а также в Смоленск и страну ляхов; по нему беспрестанно движутся взад и вперед войска» (Павел Алеппский). До воды от настила было невысоко, и москвички использовали мост для стирки, здесь «каждый день видишь много женщин с бельем» (Таннер).

А с трех других сторон, западной, северной и восточной, Кремль и Китай-город опоясывал Белый город. Его тоже окружала неприступная стена. Павел Алеппский описывал ее как чудо фортификации: «Она больше городской стены Алеппо и изумительной постройки, ибо от земли до середины высоты она сделана откосом, а с повышением до верху имеется выступ, и потому на нее не действуют пушки». Бойницы имели наклон вниз, что позволяло простреливать «мертвое пространство» у стен. «Таких бойниц мы не видели ни в Антиохии, ни в Константинополе, ни в Алеппо». Ворота прикрывали могучие башни с артиллерией.

По берегам Неглинной и Яузы выстроилось множество мельниц, и в Белом городе был центр хлебной торговли, мучные лабазы. Тут располагались и скотный, мясной рынки. А с внешней стороны вокруг стен Белого города лежал Земляной город. Там находилось еще несколько рынков, торговали зерном, лошадьми, лесом. Можно было купить и готовые разобранные дома — только покажи, где ставить, и вмиг поставят. Земляной город и Замоскворечье защищал мощный вал из деревянных срубов, заполненных камнями и землей, он проходил примерно по линии Садового кольца. Коллинз писал об этой стене: «В ней бревен столько, что можно выстроить из них ряд лондонских тонкостенных домов в 15 миль длинной». Но даже деревянные укрепления русские мастера постарались построить «весьма красивые». Ворота и башни украшались декоративными надстройками. «Главные ворота велики и роскошны; близ них высится небольшая деревянная башня, где постоянно стоит часовой и на случай пожара и для означения деревянной колотушкой по доске ночных часов по захождении солнца».

Точнее, это был не только способ «означения часов», но и переключки часовых — чтобы знать, все ли в порядке на постах (и что караульный не спит). Стрелец у Спасских ворот, услышав бой часов, ударял в специальную доску столько раз, сколько пробило часов. Другие, услышав его, били в свои доски, и так от центра прокатывалось до окраин. Русские вста-

вали очень рано. Завтракали редко, ели дважды в день. Первым делом шли к заутрене. Иноземцы, расшифровывая русское выражение «сорок сороков», пишут, что в Москве было 1,5—2 тыс. храмов и монастырей. А Павел Алеппский, гостивший по церковным делам, называет цифру 4 тыс. Среди них были и «домовые» церкви вельмож, богатых купцов, и большие храмы.

Проспать службу было для москвича физически невозможно. Первым подавал голос патриарший колокол. По его сигналу начинали звонить колокола Чудова монастыря. А за ними созывали прихожан все остальные церкви. По воскресеньям и праздникам все утро стоял оглушительный перезвон, «от гула которого дрожала земля» (Павел Алеппский). Храмы являлись центрами не только духовной, но и общественной жизни. В каждой слободе, ремесленной общине, квартале, действовали «свои» главные церкви, в них народ собирался для выборов старост, сотских, десятских, сообща решал другие важные дела. В подвалах каменных храмов купцы хранили дорогие товары, земские власти — общественную казну, иногда и частные лица отдавали на хранение свои ценности.

После молитвы начинался рабочий день. А после обеда русские укладывались на часок вздремнуть (просыпались-то ни свет ни заря). Если находились на базаре, то устраивались спать прямо на лавках, на телегах, а то и на земле. Хотя правильнее сказать, на «полу». Вся Красная площадь и основные улицы были вымощены деревом. На них настилали бревна, а сверху накрывали слоем плоских плах. Правда, со временем на мостовую наносилась пыль, при дождях образовывался слой грязи. Но за состоянием улиц следили городские власти, собирали «мостовые деньги», и когда грязи становилось много, улицу мостили снова — прямо поверх старого покрытия.

По Москве шла «большая езда из одной части города в другую» (Таннер). Рейтенфельс сообщал, что «на каждом перекрестке и у каждого ворот стоит... наготове много извозчиков, то есть возниц, которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставят приезжего к месту, им указанному. Невиль отмечал, что их было около тысячи — с «маленькими тележками, запряженными в одну лошадь». Были и экипажи «наподобие паланкина», в них ездили по 5—6 человек. Чтобы пройти всю Москву пешком (иностранцы засекали), требовалось три часа. Но и в карете от центра до земляного

вала добирались за час. Причем извозчиков вплоть до 1670—1680-х гг. иноземцы описывали в качестве диковинки, подробно разъясняли, что это такое. Потому что на Западе городского транспорта еще не было — если нет собственной кареты или телеги, топай пешком.

Впрочем, европейские города во многом отличались от русских: размерами, обликом. Они застраивались очень тесно, ширина улиц не превышала 2 — 4 м, двух- и трехэтажные дома заслоняли солнце, на уровне первых этажей всегда было темно и сыро. Большинство улиц не мостились, а посреди делались канавки, куда прямо из окон выплескивались нечистоты. Большой город путешественники чужали издали — по смраду. Ну а русские любили жить просторно. Московские улицы достигали в ширину 6—16 м, во дворах были большие сады и огороды, весной столица утопала в цветах, летом в зелени. В Земляном городе и Замоскворечье улицы представляли собой эдакие «микрорайоны» из 30—40 домов, а пустыри между ними специально не застраивались, зеленели рошицами и полянами. Тут пасли скот, проводили всякие «народные гуляния».

Павел Алеппский писал: «При каждом доме есть непременно сад и широкий двор, оттого говорят, что Москва обширнее Константинополя и более открыта, чем он; в этом последнем все дома лепятся один к другому, нет открытых дворов, и дома в связи между собой. Поэтому, когда случается пожар, его не могут погасить. В Москве же много открытых мест и ее улицы широки, и когда случится в ней пожар, его быстро гасят». Но тут он ошибался, справиться с огнем было совсем не легко. Ведь Москва была в основном деревянной (и оставалась таковой вплоть до 1812 г.). Поэтому власти уделяли первостепенное внимание противопожарной охране. В кварталах назначались объезжие «для осмотра огня и воды». Контролировали во всех дворах правила обращения с огнем, наличие средств пожаротушения. А если город где-то запылал, на ликвидацию бросали стрельцов. Уже существовали пожарные команды с помпами, обозами повозок, лошадьми. Но дома, охваченные пламенем, не гасили, это было бесполезно. Огню преграждали путь кожаными щитами, поливали их водой, ломали здания по соседству с загоревшимися — потом на лесном рынке можно было дешево купить новые.

Стрельцы играли и роль полиции. Кроме боевого оружия, им выдавали короткие плетки, они использовались как нынешние милицейские дубинки. Государство высоко ценило службу стрельцов. Им выдавали красивую форму, платили жалованье, а вдобавок разрешали торговать и заниматься ремеслами без пошлин и налогов. В Москве существовало несколько богаделен для престарелых и увечных стрельцов, их содержали *с женами и детьми* за царский счет! Вот такого уж точно ни в одной европейской стране не было. А наряду с государственной, действовала общественная служба охраны порядка. Во всех кварталах и слободах земские власти наряжали жителей в караулы, по очереди дежурить по ночам.

Москва славилась и своими банями. Во дворах строились частные, а по берегам Москвы-реки и Яузы целыми шеренгами дымили «государевы». Их подробнейшим образом описывали все иностранцы, оставившие воспоминания о нашей стране. Для них бани выглядели особой достопримечательностью. Но относились к ней по-разному. Шведы любили париться и отзывались о русских обычаях восторженно: «Ни в одной почти стране не найдешь, чтобы так умели мыться, как в этой Москве». Но в других западных странах люди почти не мылись. Англичане, например, доказывали, что купание портит цвет кожи и вызывает болезни. Они специально шли в бани, как на экскурсии, поглазеть на экзотику, а главным образом, конечно, на голых «московитянок».

У русских мужчины и женщины раздевались и парились отдельно, но не стеснялись выбегать в чем мать родила за водой, окунуться в реке, а зимой в проруби или снегу. Это не считалось неприличным и не предполагало какого-либо разврата. В бани ходили не реже двух раз в неделю, часто целыми семьями. Летом из-за опасности пожаров личные бани топить запрещалось, и все население мылось в общественных. А если посторонние увидели чьи-то прелести, ну что ж — баня есть баня, к такому относились спокойно. Не будешь же купаться, закутавшись в одежду. Но голландцы, англичане, немцы, австрийцы лезли именно на «пикантные» зрелища, после чего глубокомысленно рассуждали в своих сочинениях о «варварстве» и «безнравственности» русских. Хотя тут, разумеется, можно поспорить, что более «нравственно», мыться или подглядывать за моющимися?

Валами Земляного города защита Москвы не ограничивалась. Внешним поясом обороны служило кольцо укрепленных монастырей. А на дорогах, на дальних подступах, стояли заставы, шлагбаумы, рогатки. Но и жителям было уже тесно в замкнутом пространстве валов и стен. За их пределы выносились ремесленные слободы, где производство было связано с огнем — гончарные, кузнечные. За чертой стен раскинулись и мусульманские слободы с мечетью. Кроме того, Алексей Михайлович вынес «в поле» кабаки. Напившийся гуляка мог отлежаться где-нибудь под кустиком, не оскорбляя взоров прохожих.

Окрестности Москвы были очень живописными, изобиловали лугами, дубравами. Среди них там и тут виднелись многочисленные деревни, загородные дома вельмож. Нескольким сел являлись царскими резиденциями — Измайловское, Преображенское, Коломенское. Их украшали пышные сады, «наподобие итальянских» (Таннер). В Преображенском все было устроено для соколиной охоты. В Измайлове находился зверинец, «или, лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него изящное здание для приготовления лекарств из садовых лечебных растений» (Рейтенфельс). Рядом с Москвой располагались и ямские станции, «помещения ямщиков как бы опоясывают город» (Рейтенфельс). Аналогов ямской почты на Западе тоже не существовало, а на Руси государь и правительство имели возможность в любой момент направить распоряжения в другие города, и гонцы на сменяющихся лошадях мчали их в самые отдаленные уголки обширной державы.

6. СКОМОРОХИ И «РЕВНИТЕЛИ БЛАГОЧЕСТИЯ»

Простым русским людям в XVII в. жилось не в пример лучше, чем это будет в последующие времена, когда верхушка общества начнет ориентироваться на Европу, без счета транжирить деньги на балы, карты, привозные дорогие вещи. Современники отмечали, что на Руси царил достаток всего необходимого, Хуан Персидский удивлялся: «В этой стране нет бедняков». Налоги по сравнению с другими государствами были довольно низкими. Царь вовсе не стремился выжимать из подданных последние копейки. Только в особых случаях

(например, для войны) собирался чрезвычайный налог, «десятая деньга» или «пятая деньга», когда все имущество оценивалось, и в казну вносилось 10 или 20% стоимости. Но такой налог вводил Земский Собор, если он решал, что дело важное, и требуется раскошелиться «всем миром».

А если острой необходимости не возникало, русские власти не мешали людям наживаться и богатеть. В конце концов, это оказывалось выгодным и для царя. Народ развивал собственные хозяйства, торговал, занимался промыслами, а тем самым укреплял и обогащал всю державу. Даже разорившимся старались помогать. Олеарий писал: «Государь... не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел. Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая или по другим случайностям и несчастьям, то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которых он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству».

Денежки у русских водились. Они любили принарядиться. Мужчины носили расшитые сорочки, долгополые, до земли, кафтаны разных видов: зипуны (более легкие), однорядки (вроде легкого пальто), праздничные терлики, ферязи. Шапки делались в виде колпака с меховой опушкой. В холодное время или для красоты надевали шубы, их шили мехом внутрь, покрывали сукном или бархатом. Женщины поверх исподних и «красных» рубах наряжались в сарафаны, дополняли их курточками — летниками, душегреями, телогреями. Носили и шубки. Замужняя баба должна была убирать волосы под сетку-волосник и платок-убрус, «опростоволоситься» считалось позором. А девицы сооружали сложные и замысловатые прически, вплетали в косы не только ленты, а золотые нити и кисти, жемчужные цепочки. Выходное платье, мужское и женское, и даже голенища сапог, женские башмачки, украшались золотым шитьем, тиснением, мелким жемчугом. Все было ярко, нарядно, жизнерадостно.

Наши предки любили и вкусно покушать. В документах того времени сохранилось немало рецептов блюд, от которых потекли бы слюнки у сегодняшних гурманов. Но выпивали гораздо меньше, чем сейчас. Хмельные напитки являлись государственной монополией, гнать их самим воспрещалось под

страхом тяжелых наказаний. Продавали их только в кабаках, количество которых было ограниченным. Спиртное употребляли в праздники, на семейных, городских или государственных торжествах. А человек, в будни шатающийся пьяным по улицам, запросто мог попасть в бражную тюрьму и получить для протрезвления батоги. Разумеется, были и пьяницы. Но их считали отщепенцами, деревенская или ремесленная община брали их на поруки, старались как-то повлиять и поставить на путь истинный. Если же не помогало, община могла просто изгнать позорящих ее людей.

На Руси было закрепощено не более половины крестьян, и само крепостное право весьма отличалось от тех форм, какие оно примет в XVIII—XIX вв. Человека никто не мог продать или купить, распорядиться его судьбой. Он был только «прикреплен» к земле. Соответствующим юридическим статусом обладала именно земля, а не крестьяне. Если деревня была «черносошной», владелец земли платил подати в казну. Если «обельный», он «обелялся» от обязанностей по отношению к государству и нес подати и повинности в пользу помещика-дворянина, вотчинника-боярина, монастыря. Причем крестьянин, как свободный так и крепостной, считался хозяином своей земли! Мог распорядиться ею в завещании, подарить, продать. Но... тот, кто купил землю, приобретал вместе с ней «тягло». Отныне обязанности перед государством или помещиком должен был исполнять он, а продавший землю освобождался от них.

В стране насчитывалось 923 города. Они тоже делились на «черные» слободы и сотни — то бишь, платившие налоги, и «обельные», принадлежавшие частным лицам или монастырям. В городах жили служащие, ремесленники, купцы. Часто лавочки открывались прямо дома, при мастерской — приходи покупать продукцию в любое время. Но вообще торговля была очень развитой, уже сформировался общероссийский рынок, разные города и уезды специализировались на тех или иных видах товаров. Кроме Москвы, важными торговыми центрами являлись Архангельск, Астрахань, Казань, Новгород, Псков, Ярославль, Устюг, Брянск, Нижний Новгород. Действовали оживленные ежегодные ярмарки — Макарьевская, Ирбитская, Тихвинская, Свенская, Ямышевская.

Выделились и крупные купцы, промышленники, ничуть не уступавшие по деловому размаху западным воротилам:

Строгановы, Светешников, Шорины, Патокины, Филатьевы, Босые, Ревякины, Балезины, Панкратьевы, Усовы, Стояновы, Емельяновы. Но на Руси считалось, что человек, сумевший нажить большое состояние и распорядиться им — ценный специалист, его опыт надо использовать. Таким предпринимателям жаловался чин «гостя», они получали прямой доступ к царю, освобождались от податей, становились советниками и финансовыми агентами правительства. Через них велась казенная торговля, им передавали подряды на строительство, поставки для армии.

Следующими по рангу за гостями являлись около 400 купцов гостиной и суконной сотен (гостиная вела торговлю со странами Востока, суконная — Запада). Они также пользовались значительными привилегиями и льготами, играли важную роль в государственных и городских делах. Но торговлей и предпринимательством на Руси занимались все без исключения сословия — бояре, военные, посадские (горожане), крестьяне. Даже Церковь ничуть не уступала в инициативе мирским собственникам, в ее владениях возникали большие и развитые по тому времени предприятия, продукция ее хозяйств шла на экспорт, монастырские корабли бороздили реки и моря.

Впрочем, Церковь обладала в нашей стране особым статусом. Она не относилась к государственным учреждениям, но и не отделялась от них. Она была *душой* государства. Разве может организм существовать без души? Православие являлось основой жизни. Оно пронизывало каждый день, каждый шаг русского человека. Слова «русский» и «православный» подразумевались синонимами. А обходиться без веры в Бога — такой нелепости никто попросту не понял бы.

Католик Кампензе в докладе римскому папе отмечал, что «они (русские), кажется, лучше нас следуют учению Евангельскому». Павел Алеппский описывал, как вели себя в храмах прихожане: «Люди стоят, будто к месту приросли, в продолжение всей службы — кто совершенно неподвижно, кто непрестанно склоняясь в молитве. Видит Бог, сколько длинна их молитва, песнопения и богослужения. Привычка сделала их нечувствительными к усталости... Удивительнее всего было видеть, как отроки и малые дети, сыновья высших государственных сановников, часами стоят с непокрытой головой, ни одним движением не выдавая своего нетерпения».

На Руси числилось 13 000 храмов, 1200 монастырей, 150 000 священников, 15 000 монахов. Патриарх, митрополиты, епископы располагали обширными землями, многочисленными селами и слободами, у них имелись собственные аппараты чиновников, финансовые и хозяйственные органы. В Церкви действовала отдельная система суда. Все лица, относящиеся к церковным структурам, светскому суду не подлежали — за исключением уголовных преступлений. Хотя сущность и предназначение церковной собственности значительно отличались от западных понятий. Еще св. Владимир Креститель ввел апостольское правило, что достояние Церкви — «нищих богатство, церквам, монастырям, пустыням подъятие, живым прибежище, а мертвым памяти». Эта собственность служила не для обогащения отдельных лиц и семей, а являлась как бы резервом государства и народа, неприкосновенным запасом, который расходовался в годы стихийных бедствий, голода, тяжелых войн.

Но в Церкви успели накопиться изрядные проблемы. Богослужебная литература долгое время была рукописной. Печатание книг началось в XVI в., однако их не хватало, по-прежнему ходили рукописные издания, с них делались копии. А оригиналы отличались друг от друга, были переводы с греческих, южнославянских книг, они выполнялись в разное время, разными переписчиками, при этом вносились искажения. Кроме того, греческая и русская церкви в значительной мере развивались независимо. Когда Русь принимала крещение, в Византии было принято совершать крестное знамение двумя перстами (что символизировало единство божественной и человеческой природы Христа), а позже у греков утвердилось знамение тремя перстами (что символизировало единство Святой Троицы). Существовали различия в направлении движения крестного хода — «посолонь» (по солнцу) и «противосолонь», в служении литургии на семи или пяти просфорах, в двукратном или трехкратном славословии Аллилуйя («хваляте Бога»).

А сама Россия выростала из многих земель, обломков удельных княжеств и покоренных царств, раскинулась на тысячи верст, попробуй-ка доберись в каждый уголок! Священнослужители требовались всюду, но далеко не везде их подготовке уделялось должное внимание. Отец-священник обучал сына, наставник ученика, те ехали сдавать экзамены в епар-

хию, а уж насколько строго проверялись их знания, зависело от епископа и его чиновников. Попадались и необразованные служители, непригодные для своих постов по характеру или склонностям, подверженные пьянству. Правда, на Руси прихожане избирали священников, об этом составлялись особые договоры, где перечислялись их обязанности и статьи доходов, нерадивых и негодных выгоняли в три шеи.

Но такой порядок имел и обратную сторону. Священникам никак нельзя было ссориться с паствой. Поэтому в народе сохранялись остатки древнего язычества — всевозможные колядки, гадания, купальские игры, хороводы, масленицы. О религиозной подоплеке давно было забыто, подобные праздники успели превратиться в безобидные обычаи, и священнослужители смотрели на них сквозь пальцы. Однако бывало и так, что языческие учения маскировались христианской символикой, разносились по стране «каликами переходжими», всякими ложными «пророками». Православие засорялось еретическими «евангелиями», «житиями» и пр. Засорялось и домыслами, когда народные приметы и суеверия, порой чисто местные, признавались установлениями «от Бога».

Ереси проникали и из-за рубежа — протестантские, католицистические. В Италии развернулось печатание книг для униатской церкви на славянском языке. Они попадали и в Россию: попробуй-ка найди отличия. Были и случайные посторонние влияния, вроде бы, не еретические. Например, новгородские и псковские мастера научились создавать иконы «фряжского письма», перенимали манеры западной живописи. Но они не соответствовали православному канону, вносили разброд и споры в духовную жизнь.

Попытки унифицировать православные обряды начались еще при Иване Грозном. Стоглавый Собор выработал общие церковные правила, осудил троеперстное крестное знамение и утвердил двоеперстие. Развернулась борьба с лжепророками, «жидовствующими» и другими сектами. Царь и митрополит святитель Макарий собирали образованных богословов, выправлявших и готовивших к печати духовную литературу. Эту работу продолжил Филарет. При Печатном Дворе он организовал службу квалифицированных «справщиков», открыл школы для обучения священнослужителей.

Но на Украине процесс шел иначе. Активно действовали католические и протестантские проповедники, стараясь пере-

тянуть к себе людей. Иезуиты открывали по разным городам великолепные школы. Туда бесплатно принимали всех — православных, протестантов. Эти школы давали лучшее светское образование, а католицизм никому насильно не навязывали. Считалось, что «семена», зароненные в души учеников, будут прорасти сами по себе, исподволь. Украинскому православному духовенству, чтобы противостоять врагам, требовалась серьезная подготовка. Нужно было уметь вести богословские дискуссии, изучать логику, риторику, философию, латынь. Православные братства создавали свои школы, не уступавшие иезуитским. Киевский митрополит Петр Могила организовал Киево-Могилянскую академию.

Раз за разом поднимались и волны гонений на Православие. Многие украинские священники и ученые монахи эмигрировали в Россию. Политический вес Москвы очень вырос, на нее с надеждой поглядывали балканские народы. Царь и Московская патриархия оказывали покровительство единоверцам в Османской империи, оттуда приезжали греческие, сербские, болгарские, молдавские, румынские священнослужители. Но... веру-то считали единой, а при встрече вдруг всплывали упомянутые нестыковки в обрядах. Возникали сомнения, как же так? А Киевский митрополит, при всей своей приверженности Православию, не желал подчиняться Московской патриархии, ориентировался на Константинопольскую, поэтому украинские и белорусские священники тоже придерживались греческих правил.

Алексей Михайлович был набожным юношей, а смерть родителей настроила его еще теснее и глубже обратиться к Господу. Вместе с патриархом Иосифом государь решал вопросы о строительстве новых храмов и монастырей, посылал туда книги и утварь. По указу царя состоялось перенесение в Москву Страстной иконы Богородицы Одигитрии, на месте ее встречи у Тверских ворот был заложен храм, а позже устроен девичий Страстной монастырь. Но такими заботами Алексей Михайлович не ограничивался. Он приближал к себе людей, которые ему особенно нравились своей верой, богословскими рассуждениями, из них сформировался так называемый «кружок ревнителей благочестия».

В нем состояли сам государь, его духовник Вонифатьев, друг детства Федор Ртищев, протопоп Иван Неронов, священник Даниил, дьякон Иванов. При дворе появился и бу-

душий патриарх Никон (Никита Минаев). Он был мордвин, родился в с. Вельдеманове Нижегородского уезда, сбежал от мачехи в Макарьевский Желтоводский монастырь, стал священником и принял постриг. Выделился грамотностью, религиозным рвением — иногда клал по тысяче земных поклонов, был учеником св. Никодима Кожезерского, занял после него пост игумена. В 1646 г. Никон приехал в Москву и был представлен царю. На Алексея Михайловича он произвел хорошее впечатление, и его поставили архимандритом столичного Новоспасского монастыря.

«Ревнители благочестия» регулярно собирались в государевых покоях, вели беседы. Но члены кружка считались персональными друзьями государя, имели к нему доступ в любой день. Обсуждали, что все беды происходят по грехам человеческим, а значит, надо укреплять веру. Тогда устроятся и все прочие дела, и внешние враги будут не страшны. В принципе, с этим трудно было не согласиться, но как именно добиваться укрепления веры, мнения расходились. Ртищев построил за свой счет богадельню, странноприимный дом, тратил огромные деньги на выкуп пленных у татар. Он привечал и ученых греческих, украинских монахов, считал необходимым перенимать их достижения в богословской науке, образовании. С ним соглашался горячий и увлекающийся Никон. Но другое крыло кружка относилось к грекам и украинцам настороженно, подозревало «ересь», советовало оградить русскую церковь от их влияния.

Хотя находились и вопросы, в которых окружение царя было единодушным — убеждало его, что народ погряз во грехах, и необходимо кардинальное исправление нравов. А результатом стал указ, где в одну кучу были свалены гадания, ворожба, суеверия, азартные игры, скomorошество, музыка, народные развлечения. Все это вместе объявлялось «бесовщиной» и попадало под запрет. Писалось: «...В воскресные господние праздники и Великих Святых приходите в церковь и стоять смирно, скomorохов и ворожей в дома к себе не призывать, в первый день луны не смотреть, в гром на реках и озерах не купаться, с серебра не умываться, олову и воску не лить, зернью, картами, шахматами и лодыгами не играть, медведей не водить и не плясать, на браках песен бесовских не петь и никаких срамных слов не говорить, кулачных боев не делать, на качелях не качаться, на досках не скакать,

личин на себя не надевать, кобылок бесовских не наряжать. Если не послушаются, бить батоги; домры, сурны, гудки, гусли и хари сыскать и сжечь...» За повторное нарушение полагалась ссылка.

По Москве и другим крупным городам прокатились облавы, забирали скоморохов. Их отправили в Поморье, расселили там в качестве крестьян. Собранные музыкальные инструменты и личины сваливали в кучи и жгли. Впрочем, в «глубинке» указ и не думали выполнять. Например, в одно из поволжских сел пришли скоморохи с медведями. Местный священник, будущий расколоучитель Аввакум, бросился на них с оглоблей, одного медведя искалечил, второго прогнал в лес. Но возмутились крестьяне, их поддержал боярин Шереметев, проезжавший мимо на воеводство в Казань. Село сочло, что такой священник ему не подходит, и выставило Аввакума восвояси. Он направился жаловаться в Москву. Царские приближенные оценили столь принципиального борца с грехом, обласкали, приняли в кружок «ревнителей благочестия». Алексей Михайлович и патриарх взяли его под защиту, направили обратно в свой приход. Какое там! Крестьяне его не пустили. Священника избирал «мир», и если уж отказал ему — все. Даже царь и патриарх были не вправе переменить народное решение.

7. СОЛЯНОЙ БУНТ

На Руси имелся печальный опыт боярского правления: повальное хищничество временщиков в малолетство Ивана Грозного, развал при «боярском царе» Василии Шуйском, злоупотребления и грубые ошибки в первые годы правления Михаила Романова. При Алексее Михайловиче повторилась аналогичная история.

Борис Иванович Морозов всемерно поощрял увлечение государя духовными вопросами. Нашел себе занятие, вот и хорошо, пусть тешится, а «мирские» хлопоты оставит на попечение верного воспитателя, уж Морозова-то царь хорошо знает, он не подведет... Фактически он получил рычаги власти в полное распоряжение, а если требовалось решение царя, боярин умел подсказать и обосновать, какое именно. Он задумал ряд реформ. Изучил методы хозяйствования и управле-

ния в западных странах и наметил внедрить их в России. Цель выглядела оправданной, повысить доходы казны. А заодно и собственные доходы Бориса Ивановича, зачем же себя обижать?

Например, русские крестьяне и посадские платили самые низкие в Европе подати. Почему, если с них можно взять больше? С подачи думного дьяка Чистого был введен дополнительный налог на соль. Она считалась государственной монополией и стоила 1 гривну (10 коп.) за пуд (16,4 кг). Это было совсем не дешево. Для сравнения, корова стоила 1—2 руб., овца — 10 коп. Теперь пошлину на соль повысили еще на 2 гривны. А два налога отменили, «стрелецкие» и «ямские деньги». Было объявлено, что подорожание соли всего лишь компенсирует упраздненные подати. Хотя на самом деле соли потреблялось очень много, она служила единственным консервантом для мяса, овощей, рыбы. А в году насчитывалось около 200 постных дней, когда люди кушали соленую капусту, грибы, рыбу, огурцы. Рассчитывали, что реформа даст огромную прибыль.

Еще одним нововведением стал табак. При Михаиле Федоровиче его употребление и торговля им категорически запрещались, за это били кнутом. Правительство Морозова табак разрешило, но тоже сделало государевой монополией. Под особое покровительство Борис Иванович взял иностранцев. В стране как раз назрел конфликт между русским и британским купечеством. Уже отмечалось, что в свое время англичанин Мерик за помощь в примирении со Швецией получил право беспошлинно торговать по всем городам. За три десятилетия в компаньоны к нему, под одно «юридическое лицо», поналезло множество его соотечественников, захватывая наши рынки. А когда русские повезли свои товары в Англию, у них демонстративно не стали ничего покупать и открытым текстом пояснили, что отобьют у них охоту ездить за границу. Продавайте у себя дома по тем ценам, которые навязут англичане.

В 1646 г. отечественные купцы подали царю челобитную, перечислив британские махинации. Но... до Алексея Михайловича их жалоба не дошла. Морозов принял сторону англичан и именно им предоставил подряд на поставки в Россию табака. А дальнейшие его реформы ударили не по иностранным, а по русским купцам. Им повелели «быть в посаде,

в службе и в тягле». Казенные обязанности с гостей, гостиной и суконной сотен отнюдь не снимались, они должны были по-прежнему выполнять государственные поручения, но все льготы отменялись, им предписывалось платить налоги наравне с простыми людьми, исполнять различные повинности — или дополнительно откупаться от них.

Правительство изобретало, какими бы еще способами выкачать денежки? Для торговцев тканями ввели железный аршин с клеймом и потребовали заменить все старые на новые (за немалые суммы). Стараясь увеличить доходы, Морозов взялся сокращать и расходы. Урезал оклады чиновникам, военным, дворцовым слугам, многих из них поувольнял. Установил правило — если стрельцы и пушкари занимаются мелкими промыслами и торговлей, имеют с этого годовой доход выше 50 руб., жалованья им не давать вообще, должны служить даром.

Далеко не все руководство страны было согласно с реформами Морозова. Противодействовать пытался Черкасский, к нему примкнула значительная часть Боярской Думы. Но царю сумели внушить, что это всего лишь проявляется личное соперничество и недоброжелательство, доказывали, насколько полезными будут новшества. А Алексей Михайлович безоговорочно доверял своему наставнику. Не особо вникая, подписывал заготовленные указы. Но он пребывал в уверенности, что ему и незачем вникать в детали. Его внимание отвлекалось другими мероприятиями, как ему объясняли — именно главными, подобающими государю. В сентябре 1646 г., когда миновал год траура, прошла пышная церемония коронации царя. А сразу после коронации развернулась подготовка к его женитьбе.

Это и впрямь было важно. По русским представлениям, совершеннолетним считался только женатый человек, а династию требовалось подкрепить рождением наследника. После конфуза с датчанами засылать сватов за границу не пытались. Применили древний византийский обычай выборов невесты — в свое время подобные выборы уже устраивались для Василия III, Ивана IV, Михаила Федоровича. По всей стране оповестили, что бояре и дворяне должны представить дочерей подходящего возраста, красивых и здоровых. По уездным городам разъехались особые комиссии, прошли «отборочные туры», а в 1647 г. в Москву свезли 200 лучших кандидатов.

Их осматривали медики, повивальные бабки, доверенные боярыни, и родственники царя выбрали шестерых — отсеянным вручили утешительные подарки и отправили по домам. Ну а из финалисток Алексей присмотрел дочь касимовского дворянина Ефимию Всеволожскую. Пятеро ее конкуренток в накладе не остались, царь выделил им приданое и выдал за своих придворных. Не повезло только... самой Ефимии. Старинный обычай давно изжил себя, и выборы были свободными разве что теоретически. Ведь речь шла о царице! Конкурсы невест всегда сопровождались жестокими интригами, закулисной грызней. Выбор Ефимии не устроил слишком многих, в первую очередь Морозова, и девицу устранили. Наряжая и причесывая перед помолвкой, так туго стянули волосы, что она упала в обморок. Тут же оклеветали, будто она «порченая», больна «падучей». А если родные скрывали изъян царской невесты, это считалось преступлением. Семью Всеволожских сослали в Тотьму.

Ну а Морозов выждал некоторое время и порекомендовал государю другую девушку, Марию Ильиничну Милославскую. Добрую, умную, трудолюбивую, красивую. Ее отец служил в Посольском приказе, но жил очень бедно. Чтобы поддержать семью, будущая царица сама рукодельничала, ткала холсты, бегала за грибами и ягодами, продавая их на базаре. Однако на Руси это не было позорным, и невеста понравилась Алексею. Хотя Морозов вынашивал далеко идущий план — ни много ни мало как породниться с государем. У Марии имелась сестра Анастасия, и едва царь посватался к старшей, как овдовевший боярин испросил руки младшей.

18 января 1648 г. сыграли довольно скромную свадьбу Алексея Михайловича, а через десять дней, еще более скромно, Борис Иванович обвенчался с ее сестрой. Правда, в браке повезло лишь одному из них. Государь и в самом деле нашел с Марией совет да любовь. А Анастасия почти сразу принялась погуливать на сторону от престарелого супруга. Об этом знала вся Москва. Ходили слухи, что Морозов пробовал «учить» жену плеткой, но и русские бабы умели за себя постоять, и боярину ничего не оставалось делать, кроме как смириться со сложившимся положением, а перед посторонними делать вид, будто у него все в порядке.

Зато в политической деятельности брак с царской родственницей оказался для Морозова совсем не лишним — пото-

му что его реформы быстро затрещали по швам. Люди попросту перестали покупать у государства вздорожавшую соль. Благо народ был смекалистым, нашлись охотники нелегально вывозить с промыслов и по дешевке продавать «левую» соль. А оптовые покупатели, заготовители, схватились за голову от соляной пошлины, попытались сэкономить. В результате недостаточно просоленная рыба сгнила в огромных количествах, а в это же самое время нераспроданная соль лежала в пакгаузах, раскисла от сырости и стала некондиционной. Вместо прибыли казна понесла колоссальные убытки.

Разорались торговцы рыбой, солониной, гости, получившие подряды на соляную монополию. Другие правительственные меры по дополнительному обложению купцов тоже обернулись не лучшей стороной — упал объем торговли, а вместе с ним собранные пошлины. Тем не менее, вопиющие проколы сошли Морозову с рук, он же стал царским свояком! Но в бюджете возникла внушительная дыра, ее лихорадочно старались залатать. Наценку на соль отменили, вместо нее вернули старые налоги. При этом опять схитрили. Год, когда «стрелецкую» и «ямскую» подать не взимали, объявили недоимками и потребовали внести их за два года. А недоимки взялись выжимать сурово: судами, конфискациями, побоями на правее.

Но «официальные» безобразия — это было еще полбеды. Прибирая к рукам управление государством, Морозов позаботился расставить на ключевые посты своих сторонников и любимцев. Выдвинул и многочисленную родню жены, Милославских: государев фаворит выступал их благодетелем и полагал, что Милославские будут всецело преданными ему. Однако клеветы Морозова, дорвавшись до ответственных должностей, первым делом ринулись набивать собственные кошельки. С могущественным покровителем они чувствовали себя неуязвимыми, быстро нагнали.

Один из родственников Милославских, Леонтий Плещеев, был назначен руководить Земским приказом — заведовал охраной порядка в Москве, исполнял обязанности земского судьи, разбирал дела о нарушениях в торговле, имущественные и финансовые тяжбы. Словом, «золотое дно»! Плещеев совсем разошелся, вымогал взятки у обеих тяжущихся сторон и не успокаивался, пока не обирал их до нитки. Он завел целый штат жесвидетелей. Невинных купцов и других бога-

тых людей оговаривали, арестовывали, а отпускали после основательного «выжимания».

Шурин Плещеева, Петр Траханиотов, стал начальником Пушкарского приказа. В его ведение попали Пушечный двор, арсеналы, артиллеристы-пушкари. Он бесцеремонно запустил лапу в финансирование заводов, прикарманывал средства, выделенные на производство артиллерии, задерживал жалованье пушкарям и рабочим. Прокручивал деньги через англичан и ростовщиков, наваривая прибыли. Скупал земли, дорогие вещи, устраивал кутежи. А подчиненные, если с опозданием получали хотя бы часть жалованья, могли считать, что им крупно повезло.

Приближенные Морозова, а то и приближенные приближенных, их друзья, знакомые, слуги, принялись хапать все, что плохо лежит. Бесцеремонно расхватывали в окрестностях Москвы «ничейную» землю — хотя посадские использовали ее под огороды, под выгоны для скота. Перегородили частными владениями даже дороги в ближайшие леса, людям стало невозможно проехать за дровами. В самом городе и вокруг него разрастались «белые» слободы — они числились личными вотчинами, а их жители «захребетниками» хозяев, платили подати им, а не государству. Владельцы переманивали к себе хороших ремесленников, обещали им льготы.

А мастеровые и мелкие торговцы из «черных слобод» стали разоряться. Их всячески притесняли, они не могли конкурировать с «белослободчиками», продававшими продукцию дешевле. Люди нашли отдушину, начали сами переходить в «белые» слободы, записываться в холопы к власти имущим. Но другим приходилось еще хуже — число налогоплательщиков уменьшалось, а подати с каждой ремесленной или купеческой общины, города, конца, оставались прежними, взымались с оставшихся хозяев. Множились и иные беззакония, а управу на обидчиков найти было невозможно — в судах управляли эти же обидчики или их приятели.

В общем-то, на Западе подобные вещи были обычными. Попробовал бы кто-нибудь судиться с любимчиком французского короля, польским магнатом или голландским олигархом, протестовать против их делишек! К этому привыкли, считали сложившиеся отношения само собой разумеющимися. Но русские жили иначе, верили, что власть должна действовать «по правде». А для поисков «правды» сущест-

вовал особый способ — подать челобитную непосредственно царю. При Иване Грозном для этого была учреждена Челобитная изба, при Михаиле Федоровиче чиновники собирали у людей письма во время выходов царя в храм. Из других городов челобитные можно было переслать даже по почте, и по ним принимались реальные меры. Например, в Якутске в 1640 г. власти незаконно отобрали у казака Дежнева добытую им пушнину. Он написал царю, и ему все вернули до последней шкурки.

Но реформаторы и здесь попытались подправить русские традиции на западные. Царя от народа ограждали, жалобы до него не доходили, а тот, кто подал их, наживал крупные неприятности. Нет, народ не смирился. Москвичи собирались на земских сходах, выработали общую челобитную от «всего мира». Удобный момент подвернулся 1 июня 1648 г. Царь возвращался из Троице-Сергиева монастыря, а в Кремле его поджидала толпа выборных от «мира», чтобы подать жалобу лично в руки. Они перегородили дорогу, оттеснили свиту. Почтительно, но твердо взяли под уздцы государеву лошадь и попросили, чтобы Алексей Михайлович их выслушал. Излили все, что у них наболело, вручили челобитную.

Узнав, какие преступления творятся от его имени, царь был ошеломлен. Он велел людям успокоиться, пообещал разобраться. Москвичи благодарили, целовали ему руки и стремя, проводили до крыльца. Но едва Алексей Михайлович скрылся во дворце, как подручные обозлившегося Плещеева ринулись на толпу с нагайками, топтали конями, силились разогнать. Вот тут-то терпение народа лопнуло. Мужики выворачивали попавшиеся под руку колья, бульжники. Под градом камней «усмирители» удрали в государевы покои, а известие о столкновении молнией разнеслось по Москве, она забурилась.

На следующий день потоки людей хлынули к дворцу, требовали выдать им притеснителей. К посадским присоединились обиженные пушкарки, стрельцы. На крыльцо вышел Морозов, пробовал уговаривать собравшихся, но они взревели: «Да ведь и тебя нам надо!», боярину пришлось прятаться. Лезть во дворец мятежники даже не пытались, государь оставался для них священной особой. Но толпы разошлись по городу ловить своих врагов и грабить их дома. Ворвались к Морозову, убили не пускавшего их холопа. Жену пощадили из уважения к ее сестре-царице, только отобрали все украше-

ния, выгнали на улицу, а дом разорили. Думный дьяк Чистый, один из авторов соляных и прочих «реформ», лежал больной. При появлении мстителей он спрятался на чердаке, но мальчик-слуга выдал его, Чистого прикончили. Разнесли дворы Плещеева, Траханиотова, бояр Львова и Одоевского.

Дворец оставался в окружении. Правительство вызвало служилых иноземцев, они явились строем, с барабанами и развернутыми знаменами. Многие бунтовщики были вооружены, но с иностранцами не задирались, пропустили их и говорили: «Вы честные немцы, не делаете нам зла». К народу выслали двоюродного брата царя, Никиту Романова. Москвичи любили его, встретили вполне доброжелательно. Он, в свою очередь, повел себя дипломатично. Поклонился «миру», снял шапку, хотя имел право не снимать ее даже перед государем. Сказал, что Алексей Михайлович скорбит о случившемся, просит успокоиться и разойтись. Люди в ответ заверили, что царем все довольны, никто не выступает против него. Но они требуют справедливости и казни преступников — Морозова, Плещеева и Траханиотова.

В палатах государь заседал с боярами. Среди них тоже хватало недовольных Морозовым и его кликой. Раньше вынуждены были помалкивать, а сейчас был не тот случай — толпа возле дворца красноречиво показывала, к чему привело правление временщика. Подтверждали вопиющие факты из жалоб москвичей, добавляли другие. Посовещались и приговорили Плещеева к смерти. Вор ее вполне заслужил, а казнь удовлетворит народ. Обреченного вывели из дворца с палачом, но он не понадобился — разъяренный народ растерзал Плещеева.

Посадским объявили, что остальных обидчиков нет в Кремле, а как только их разыщут, то непременно казнят. Тем не менее, люди не угомонились, разослали по дорогам свои разъезды. Траханиотова настигли у Троице-Сергиева монастыря, где он надеялся укрыться, привезли в Москву, он был приговорен к смерти и обезглавлен. Но Морозова Алексей Михайлович все-таки спас — не забыл, сколько добра сделал ему боярин, как опекал его в детские годы. Позволил Борису Ивановичу пересидеть опасные дни во дворце и тайно отправил в дальний Кирилло-Белозерский монастырь.

А бунт стал расплескиваться в неуправляемом разгуле. От общей массы отделялись ватаги самых буйных, взламывали лавки, винные погреба, кабаки. В нескольких местах

вспыхнули пожары. В пламя горящего кабака пьяная орава кинула труп «безбожного Плещеева». Но большинству москвичей бесчинства совсем не понравились. Стрелецкие части, посадские сотни и слободы начали присылать делегации в Кремль. Царь и бояре вели с ними переговоры, записывали все претензии. Некоторые исправляли сразу же. Отстранили начальников, допуская злоупотребления. Восстановили служилым прежнее жалованье, определили сроки выдачи. Патриарх и царь мобилизовали всех священников, разослали их по городу для увещевания. Стрельцы выразили готовность повиноваться, на улицах появились их патрули.

Наконец, сам Алексей Михайлович известил, что хочет говорить с народом. Собралась вся Москва. Царь вышел к людям, подтвердил отмену соляных пошлин, простил недоимки по прочим налогам, пообещал назначить справедливых судей и чиновников. А потом со слезами на глазах поклонился «миру» и откровенно объяснил — он не желает оправдывать Морозова, но воспитатель был для него, как второй отец. Он, царь, еще никогда и ни о чем не просил у своих подданных, а теперь просит — помиловать боярина, а от государственных дел он будет отстранен. Это было невиданно и неслыханно! Государь, властный над всей державой, просил о прощении вельможи у простого народа! Москвичи растрогались. Конечно же, они уважили ходатайство: «Бог да сохранит на многия лета во здравие его царского величества. Да будет то, чего требует Бог да его царское величество!» Алексей Михайлович искренне поблагодарил их и заверил, что отныне за порядком и справедливостью в стране он будет следить лично.

Отголоски мятежа прокатились и по другим городам. Если в столице расправились с лиходеями и добились правды, чем они хуже? У них имелись свои взяточники, недобросовестные или нелюбимые начальники. Конкретные причины и поводы были разными. В Курске и Воронеже взбунтовались стрельцы, которым задолжали жалованье. В Томске, Кузнецке и Нарыме люди возмутились из-за спекуляций с хлебом. Волнения и беспорядки случились также в Чердыни, Сольвычегодске, Козлове. Распространялся слух, что бояре обманывали царя, а теперь он принял сторону народа и велел «выводить сильных». Иногда этим пользовались проходимцы. В Устюге дьячок Яхлаков показывал всем «бумагу согнутую» и

кричал, что «пришла государева грамота» разграбить 17 дворов. Желаящих нашлось достаточно, разнесли не 17, а 50 дворов. На усмирение устюжан пришлось направить стольника Ромодановского с отрядом. Дьячок Яхлаков сбежал, а с остальных бузотеров Ромодановский взыскал штраф в 600 руб.

Но постепенно жизнь возвращалась в нормальное русло. Преодоление кризиса царь и патриарх Иосиф ознаменовали символическим действием, 13 октября организовали пышный праздник, встречали список чудотворной Иверской иконы Божьей Матери, привезенный с Афона. По традиции, эта икона считалась «Вратарницей», охранительницей города от недругов и напастей, и Алексей Михайлович распорядился построить для нее часовню у Воскресенских ворот Китай-города. В октябре случилось и важное событие в семье государя, у него родился первенец Дмитрий, наследник! Родился он в праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Прежде его отмечали только в Казани и Москве, а Алексей Михайлович на радостях повелел, чтобы отныне он праздновался по всей стране. Это тоже было символично. Ведь Казанская икона прославилась в 1612 г., при выходе России из Смуты. В 1648 г. назревала та же угроза, но государственное устройство оказалось прочным, а царь, большинство бояр и простые русские люди достаточно мудрыми, новой Смуты не допустили.

8. ЕВРОПА В РУИНАХ.

Западные страны в описываемое время все еще месились на фронтах Тридцатилетней войны. Этих фронтов пролегло несколько — в Германии, на севере Франции, во Фландрии, на Пиренеях, в Италии. А сама война в XVII в. выглядела довольно своеобразно. Единственная регулярная армия была у шведов. У них полки были закреплены за городскими и сельскими округами, отвечавшими за снабжение и пополнение частей. В других государствах воевало дворянское ополчение и наемники. Их поставляли кондотьеры, мелкие немецкие и итальянские князья. Они набирали войска из всякого сброда, обучали и вооружали их и продавали любому, кто сможет заплатить.

Никакой военной формы в помине не существовало. Солдаты ходили кто в чем. Грабеж и мародерство считались за-

конным вознаграждением. За армиями тащились огромные обозы маркитанток, проституток, скупщиков добычи — командиры обычно были с ними в доле. Грабили даже на «своей» земле, для интернациональных наемников она не была родной. Поэтому войска старались побыстрее выпихнуть на территорию противника. Тут жгли и разоряли все подряд. Город мог уцелеть, сдавшись «на капитуляцию», чаще всего это означало отдать все богатства и ценное имущество, сохранив лишь дома и жизни. Если же его брали штурмом, начинался погром. Распаленные солдаты тащили барахло, убивали всех подряд. Хозяев подвергали жутким пыткам, вымогая спрятанные деньги. Женщин, детей, юношей перед тем, как зарезать, насиловали — для бродяг-наемников пол особой роли не играл. Забавлялись изощренными способами умерщвления, забивали в людей заряды пороха, вешали за интимные части тела. Покидая город, солдаты оставляли дымящиеся развалины и груды истерзанных трупов.

Особенно круто доставалось Германии. На ее земли вторгались французы, датчане, шведы. Но и сама Германская империя состояла из 350 княжеств, епископств, вольных городов, разделившихся на Католическую лигу и Евангелическую унию и свирепо дравшихся между собой. Власть императора Фердинанда III над немецкими землями уже давно была чисто номинальной. Его реальную силу составляли только наследственные владения Габсбургов — Чехия, Австрия, Западная Венгрия. А княжества Католической лиги старались держаться независимо и выступали, скорее, союзниками императора, а не его подданными.

Самым могущественным звеном католической коалиции являлась не Германия, а Испания. Вот она-то оставалась мировой империей, над которой «не заходило солнце». Ее питали обширные заокеанские колонии, ей принадлежала изрядная часть Европы — две трети Италии, Сицилия, Сардиния, восточные и северные районы нынешней Франции, Бельгия (Испанские Нидерланды). Король Филипп IV деятельно поддерживал единоверцев в разных странах, пытался контратаковать протестантов и французов. Но получалось, что испанцы везут на себе основную тяжесть войны, союзники держатся только благодаря их помощи и за их счет.

Надрываться 30 лет подряд — это было многовато. Испанцы стали возмущаться, законодательные кортесы все бо-

лее настойчиво ограничивали финансирование войны, отказывались увеличивать налоги. Королевское правительство пробовало переложить расходы на другие владения, но и это было опасно. Каталония взбунтовалась, перекинулась к французам. Трогать бельгийцев было и подавно нельзя — могли примкнуть к голландцам. А итальянцев и сицилийцев совсем разорили поборами. Они совсем обнищали, дошли до того, что многие люди питались почти одними фруктами: любые другие продукты были обложены непосильными для них налогами и пошлинами.

Протестантская коалиция тоже выдохлась. Но ее подпитывала и поддерживала Франция. Разумеется, из собственных соображений. Политику Франции определял кардинал Ришелье. Он сумел вытащить страну из религиозных склок и дворянской анархии, наладил дееспособное управление. Но кардинал не считал самоцелью укрепление и благосостояние государства. Он намечал куда более глобальную задачу: Франция должна стать европейским лидером. А значит, и мировым. Для этого требовалось подорвать позиции Испании, германского императора, а второстепенные королевства и княжества втянуть под французское влияние. Война как нельзя лучше способствовала его планам.

Хотя реализовать их было чрезвычайно тяжело. Франция была очень расточительной страной. Королевский двор и высшая аристократия привыкли жить на широкую ногу. А теперь требовалось нанимать армии, подкупать сторонников, выделять крупные субсидии шведам и германским протестантам. Но у Франции не было таких источников доходов, как испанские колонии, голландская или венецианская торговля. Ее промышленность оставалась совсем слабенькой, не имелось даже литейных мастерских, оружие покупали за рубежом.

Казна пополнялась только налогами. Причем дворяне и духовенство их не платили, подати перекладывались на «третье сословие» — купцов, горожан, крестьян. Налогов взялось множество. Прямой — «талья», «габель» — пошлина на соль, пошлины на вино и ряд других товаров, десятина церкви, цензива (оброк) землевладельцу и др. Но и собирать их было слишком хлопотно, а деньги королю и правительству всегда нужны были срочно. Поэтому подати сдавались на откуп. Финансисты-откупщики отстегивали в казну наличными,

а деньги с населения трясли сами, добавляя проценты в собственную пользу.

Трясли сурово, с конфискации имущества, продажами с торгов, недоимщиков отправляли в долговую тюрьму. Нередко крестьяне бунтовали, убивали сборщиков. Это было настолько обыденным, что восстания чаще всего даже не подавляли. Ведь правительство уже получило свое, и бунты были «личным риском» откупщиков и их служащих. А крестьяне побузыт-побузыт, да и вернуться к работе. Лишь в более серьезных случаях, когда мятеж не утихал, присылали войска. Зачинщиков вешали, остальных попавшихся под руку пороли. Но самым действенным способом получить недоимки были постои солдат. Для этого Ришелье создал специальные роты, они располагались в деревнях, жрали, пили, хулиганили и не уходили до тех пор, пока община не внесет задолженность [46].

Тем не менее, денег не хватало, и во Франции придумали еще один способ добывать их: все должности в государстве, офицеров, чиновников, судей, продавались. Хочешь поступить на службу — покупай патент. Хочешь должность повыше — плати дороже. За дополнительную мзду можешь сделать должность наследственной, передать сыну. Теоретически стоимость патента должна была со временем вернуться владельцу в виде жалованья. Но его не платили почти никогда. Зачем какое-то жалованье, если у человека есть должность? Неужели судья или чиновник не найдет, где ему пожить?

Должности пользовались немалым спросом. «Третье сословие» во Франции было совершенно бесправным, нищий дворянин мог безнаказанно отлупить богатого купца, если тот не имел высоких покровителей. Зажиточных крестьян сборщики налогов грабили подчистую. Развивать хозяйства или устраивать какие-то предприятия было бессмысленно. Вместо этого состоятельные люди покупали патенты. Судья и чиновник — уважаемые люди, прилично зарабатывают. А если добрались до должностей повыше, они получали «дворянство мантии». Не родовое «дворянство шпаги», но все равно попадали в привилегированное сословие.

Правительство пускало в продажу дополнительные патенты, аппарат судебных и крючкотворов разрастался, тоже ложился нелегким бременем на народ. А налоги за годы войны выросли втрое. Перегрузки становились уже невыносимыми. Прокатились восстания на юге Франции и в Норман-

дии. А в 1642-43 гг. один за другим умерли Ришелье и король Людовик XIII. Власть зашаталась, и тут уж мятежи запылали повсюду — в Туре, Марселе, Валансе, Монпелье, Клермон-Ферране, Анжере, Сен-Маре, Домфроне, Туле, Иссуре, Манде, Гренобле, Тулузе. Королевские солдаты легко крушили бунтовщиков, уставляли виселицами проселки и городские площади, но не успевали усмирить в одном месте, как начиналось в другом.

На французском троне оказался пятилетний Людовик XIV. Регентшей при нем стала его мать Анна Австрийская. Она, кстати, несмотря на прозвище, была не австрийкой, а испанкой, но всеми силами была готова отстаивать интересы сына и уступать Испании не желала. А главным помощником и опорой королевы являлся премьер-министр кардинал Мазарини. Тоже не француз, а итальянец. Ришелье привлек его на службу и возвысил за исключительные дипломатические таланты. Но и он всецело связал себя с новой родиной: во Франции он фактически управлял государством, а кем он был бы без Франции?

Трудности нарастали, и обе коалиции понимали, что войну пора как-нибудь завершить. Посредниками выступили папы римские Урбан VIII и его преемник Иннокентий X. В 1644 г. в Вестфалии собрались два мирных конгресса, в Оснабрюкке, для переговоров с протестантами, и в Мюнстере — для делегаций католических стран. Но взаимопонимания достичь никак не удавалось, каждая из стран-участниц силилась вести свои политические игры.

Для Рима было важно любым способом примирить Европу. Рассчитывали, что это поднимет авторитет папы, он выдвинется на роль арбитра в международных делах. Строились далеко идущие планы — когда немцы, испанцы, итальянцы, французы прекратят резаться друг с другом, их можно будет втянуть в союз с Венецией против Турции. Разбить ее, а потом перенацелить западные державы помочь Польше, организовать новый удар по России.

Католические германские князья сражались плечом к плечу с императором Фердинандом III, но опасались, как бы он не укрепил власть над Германией и не ущемил их самостоятельность. Протестантские князья боялись союзников-шведов. А ну как они вздумают господствовать над Германией? Лучше уж слабый император, хоть он и противник. А Маза-

рини и Анна Австрийская полагали, что мир нужен, но после понесенных расходов и жертв его можно заключать только с выгодой для Франции. Их дипломатия разыгралась вовсю, стараясь заманить всех этих князей, протестантских вместе с католическими, под французское покровительство.

В Нидерландах главой государства считался штатгальтер Фридрих Генрих Оранский. Но банкиры и купцы, победившие в «буржуазной революции», не спешили делиться властью ни с кем. Штатгальтеру оставили всего лишь руководство армией, а реальным правящим органом были Генеральные Штаты и штаты провинций, в которых заседали сами купцы и банкиры. Территориальные приобретения их не интересовали — ведь купцы присоединенных городов стали бы их конкурентами. Мало того, олигархи враждовали с собственным штатгальтером. Постоянно подозревали его, а вдруг он, опираясь на военных, задумает отобрать у них власть? Во время войны авторитет штатгальтера возрос, народ видел в нем предводителя. Это казалось тем более опасным, и голландское правительство стремилось замириться как можно скорее.

А самые непредсказуемые сюрпризы преподносила Швеция. По соглашению с Францией она должна была громить немецких католиков. Но канцлер Оксеншерн выполнял договор лишь до тех пор, пока это совпадало с его проектами «Балтийской империи». Шведы захватили Померанию, еще ряд прибалтийских районов, и канцлер рассудил, что в Германии воевать больше незачем. Ни с того ни с сего он бросил войска на Данию. Мазарини возмутился, прекратил платить шведам субсидии, Оксеншерн не реагировал, его полки браво маршировали по датским провинциям.

Но в Стокгольме подрастала королева Христина, девица весьма «проблемная». Покойный отец Густав II Адольф мечтал о сыне и воспитывал ее, как мальчика. Легкомысленная мать Мария-Элеонора после гибели мужа бросила ребенка, укатила крутить романы в родной Бранденбург. Девочка была очень способной, получила превосходное образование, знала 8 языков, Оксеншерн самолично обучал ее искусству политики и дипломатии. Но Христина возненавидела канцлера за постоянную опеку, за нудные уроки, была грубой и развязной.

А как только королева достигла совершеннолетия, она сразу проявила свой характер. Придумала своеобразную «игру», выслушивать советы Оксеншерны и назло ему при-

нимать противоположные решения. Двор разделился на «старую» партию, канцлера, и «молодую», Христины. Она привлекала на свою сторону дворян, раздавая им коронные земли, вокруг нее собралась целая свора иностранных проходимцев. Вознаграждая себя за «скучное» детство, сумасбродка окунулась в пиры, танцы, грандиозные охоты. Ей наметнули, что чрезмерные траты не по силам казне, но Христина нашла способ сэкономить — если не хватает денег на развлечения, надо выйти из войны. Вступила в переговоры с датчанами и немцами, легко шла на уступки.

О, Мазарини не упустил случая, блестяще разыграл хитроумную комбинацию. Вмешался с посредничеством, активно поддержал королеву, и с Данией мгновенно был заключен мир на самых легких условиях, из всех оккупированных территорий она отдала Швеции только два острова. Подданные Христины были ошарашены — старались, побеждали, и на тебе! Но королеве было наплевать. Она собиралась помириться и с императором, пожертвовать немецкими завоеваниями. Не тут-то было! Теперь Мазарини поддержал Оксеншерну. Посольство Христины в Германию провалил, а французские агенты при ее дворе растолковали вздорной девчонке — если она вздумает повторять глупости, шведы ее попросту свергнут. Но и Оксеншерна осознал: лучше не своевольничать и не ссориться с Францией. Мазарини возобновил финансирование, и шведские корпуса повернули на Германию.

Между тем, в Вестфалии продолжали заседать мирные конгрессы. Они представляли собой фантастическую картину «пира во время чумы». В прямом смысле. Немецкие земли были опустошены, на местах деревень лежали пепелища, поля не возделывались. Люди, сумевшие спастись от врагов, умирали от голода. От множества разлагающихся трупов началась и чума, косила уцелевших. Но государства, участвовавшие в переговорах, старались продемонстрировать, что у них все в порядке, запасов и денег в изобилии. В Мюнстере и Оснабрюкке закатывались непрерывные празднества, жарились на вертелах бычьей туши, на банкетах вино било из фонтанов, на представлениях сверкали телами лучшие балерины.

Делегаты совсем не торопились прийти к какому-то соглашению. Зачем им было торопиться? Каждая страна прислала оравы вельмож, юристов, консультантов с толпами лакеев, слуг. Они получали высокие оклады, чудесно проводили время

на дармовых балах и банкетах. Никто никому не намеревался уступать, и переговоры зависли на мертвой точке. Мазарини пришел к выводу — противников надо подтолкнуть к миру. Он значительно усилил французскую армию, привлек талантливых полководцев, принца Конде и Тюренна. Наметил сломить самое сильное из княжеств Католической лиги, Баварию.

В 1646 г. на нее двинулись армия Тюренна и шведский корпус Врангеля. Заняли Мюнхен, полгода разоряли окрестные районы. Баварский герцог Максимилиан со своими войсками отсиживался по крепостям, но увидел, во что превращаются его владения, и не выдержал. Согласился замириться, обязался не помогать императору Фердинанду III. Тюренн предложил нанести решающий удар в сердце Германской империи, по Австрии и Чехии. Но Мазарини спутал его план слишком хитрой дипломатией. Кардинал не желал полного разгрома императора. Пускай сохраняется угроза для немецких князей, и они будут тянуться под защиту Франции. Тюренн получил приказ идти в другую сторону, в Испанские Нидерланды.

Ничего хорошего из этого не вышло. Наемники уже раскатали губы поживиться в богатых, не разграбленных городах, а шагать за тридевять земель им не улыбалось. Они забунтовали и разбежались. А император расстарался перекупить баварского герцога, пообещал отдать ему некоторые протестантские княжества. Максимилиан тут же нарушил мир и возобновил боевые действия.

Одновременно с Баварией Мазарини подготовил вторжение в испанские владения в Италии. В итальянских портах высадились французские десанты. Но сюда направлялись второсортные войска, их растрепали в первых же боях. Еще большим бедствием стала эпидемия малярии, уничтожала солдат целыми отрядами. Зато испанцы окончательно допекли итальянцев налогами. В 1647 г. их снова попытались повесить, и восстала Сицилия. За ней поднялся Неаполь, а это была «помойка» всей Италии. В городе насчитывалось 400 тыс. жителей, из них 100 — 150 тыс. составляли портовая рвань и бродяги, стекавшиеся кто откуда. Нищенствовали, перебивались случайными заработками, ночевали в пещерах и развалинах. Вот тут уж полыхнуло вовсю. Испанский вице-король успел укрыться в крепости Шато-Неф, а народ истреблял испанцев, чиновников.

Французские военные воодушевились. Указывали, что ситуация — лучше не придумаешь, надо немедленно посылать экспедицию, поддержать повстанцев, и Италия будет в кармане. Но Мазарини мудро воздержался и второй десант отменил. Он прекрасно представлял себе картину итальянского бунта и не возлагал на него никаких надежд. Действительно, мятеж вылился в погромы. Из тюрем вырвалось множество воров и бандитов, заодно с испанцами чернь резала итальянскую знать, богатых людей, жгла дома. Восставшие перегрызлись и между собой. Избрали вождем рыбака Мазаньелло, он пытался навести хоть какой-то порядок, «подчиненные» возмутились и убили его. Позвали командовать дворянина де Масса и тоже прикончили, выбрали оружейника Аннезе — его постигла та же судьба. Пошел полный раздрай, и испанцам даже не понадобилось направлять в Неаполь дополнительные контингенты. Вице-король вывел гарнизон из крепости Шато-Неф и разогнал распоясавшиеся толпы.

Но пока Италия еще бурлила восстаниями, Мазарини подсуетился воспользоваться затруднениями Мадрида и забросил удочку к примирению. Соглашался вернуть оккупированную Каталонию, а взамен просил у испанцев Бельгию. Однако мадридские дипломаты очень лихо переиграли кардинала. О предложениях Мазарини они сообщили голландцам. Те переполошились, напуганные подобными планами. Проглотив Бельгию, агрессивная Франция стала бы их соседкой! На кого она полезет дальше, нетрудно было догадаться. Чтобы избежать этого, голландские правители экстренно подписали сепаратный мир с Испанией. Она признала независимость Нидерландов, уступила им приграничную полосу земли, даже пожертвовала интересами бельгийских купцов, закрыла для плавания устья рек, через которые они выходили в море.

Такой ценой испанцы высвободили из Нидерландов целую армию, рассчитывали переломить ход войны, бросили все силы на Францию. Да только жертвы и уступки оказались тщетными, принц Конде сумел остановить наступление. В свою очередь, армия Тюренна и шведы во второй раз ринулись на Баварию. В битве при Цусмаркхаузене разнесли войска баварского герцога и императора, устремились к Вене. Но залили проливные дожди, французы со шведами застряли у переправ через вздувшиеся реки, у них иссякло продовольствие, и полки разбрелись грабить ближайшие селения. И все-

таки рывок на Вену не остался безрезультатным. Императора он вогнал в полную прострацию, Фердинанд III перенервничал, издергался и послал своим представителям на Вестфальском конгрессе приказ: быть сговорчивее. Переговоры наконец-то сдвинулись к миру.

Но за оставшийся промежуток времени, пока уточнялись его условия, шведы задумали урвать еще один «приз» — богатейшую Прагу. Летучий отряд генерала Кенигсмарка оставил в тылу обозы, пушки, посадил пехоту на телеги и погнал к городу стремительным броском. Надеялись захватить его врасплох, высланные на дорогу разъезды убивали всех встречных, чтобы не предупредили об опасности. Шведы приблизились к Праге совершенно скрытно, из леса осматривали ее, заранее распределяли объекты для грабежа. В ночь на 26 июля отряд проник через обветшалые стены Страговского монастыря и ворвался в Мале място. Это был самый respectable район, тут жили знать, купцы, зажиточные мастера. Мале място потрошили три дня.

Правда, шведов было маловато, на всю Прагу не хватило. Другие части города лежали за р. Влтавой, там люди изготовились к обороне. Упускать эти районы Кенигсмарку тоже не хотелось, к нему подвезли отставшую артиллерию, и после обстрела его солдаты пошли на штурм. Но пражане уже знали, какая участь ожидает их самих и их семьи, если они впустят врага. Они сражались отчаянно, и в схватке на Карловом мосту отбросили шведов. Постепенно к Праге подтягивались другие неприятельские корпуса, к осени тут собрались все шведские войска, командование принял принц Карл Густав. Обложили город, бомбардировали, подводили мины, раз за разом пробовали атаковать...

Когда-то Тридцатилетняя война началась протестантским выступлением в Праге, а теперь все переменялось с точностью до наоборот. Прага еле отбивалась от протестантов, отчаянно взывала о помощи к императору, против которого бунтовала. А 24 октября 1648 г. в Вестфалии был подписан мир. В Чехии об этом узнали не сразу. Пражане уже голодали, у них кончился порох. К ним на выручку явилась имперская армия. Карл Густав был умелым военачальником, он сделал вид, будто отходит, пропустил германцев к Праге, а потом быстрым маневром прижал к городским стенам. Прикинул, что они укроются в крепости, число едоков увеличится, и голод

заставит осажденных сдаться... И в этот момент подоспело известие, что война кончилась. Шведы разошлись, протестовали. Подозревали, что противник их обманывает. Но все оказалось верно, грабить и резать стало уже нельзя...

Вестфальский договор закрепил расчленение Германской империи. Входившие в нее княжества и вольные города стали, по сути, самостоятельными государствами. Пышное название «Священная Римская империя германской нации» свелось к формальной традиции. А императоров из дома Габсбургов начали неофициально называть не германскими, а австрийскими, по их настоящим владениям. Договор утвердил независимость Нидерландов и Швейцарского союза. Швеция отхватила значительные территории в Северной Германии — Померанию, Висмар, Бремен, Верден. Франция заключила мир только с императором, с Испанией осталась в состоянии войны. У немцев она отобрала часть Эльзаса и Лотарингии, департаменты Верхний и Нижний Рейн. Но главный выигрыш Мазарини видел в том, чтобы германские князья привыкали считать Францию своей покровительницей, и дипломаты кардинала всю постарались в пользу немецких властителей.

Баварский герцог получил Пфальц, саксонский курфюрст — Лужицкую землю. А самые обширные приобретения неожиданным образом достались вдруг курфюрсту захудалого Бранденбурга Фридриху Вильгельму. Он и в войне-то почти не участвовал! Зато он был рачительным хозяином и умел ладить со всеми, ни с кем не ссорился. Поэтому Фридриху Вильгельму давали то, чего не хотели уступать другим — например, шведам, чтобы они слишком уж не усилились. Он не отказывался, принимал. Охотно брал и «неудобные» прирезки, которые по каким-то причинам не подходили остальным князьям. В итоге нагреб часть Восточной Померании, архиепископство Магдебургское, разбросанные клочки территорий в Центральной Германии, герцогство Клевское на Рейне.

Впрочем, все эти земли являли собой печальную картину. За 30 лет бродившие туда-сюда армии превратили Германию в кошмарную пустыню. В руинах и пожарищах лежали и Бранденбург, и Пфальц, и Бавария, и Саксония, и Магдебург, и Померания. Чешские и саксонские рудники были заброшены, торговля прекратилась, пашни заросли кустарником. А по дорогам шатались банды мародеров и грабили то, что еще находили. В Чехии население сократилось более чем наполови-

ну — с 1,5 млн до 700 тыс. В Германии, по разным оценкам, погибло от 2/3 до 3/4 жителей. После Тридцатилетней войны она заселялась заново. Армии расформировывались, у большинства наемников на родине и дома-то не было. А в Германии остались мертвые города и деревни, бесхозные поля, по лесам пасся одичавший скот. Вчерашние солдаты занимали пустые дома, женились на недорезанных немках, на полковых маркитантках и шлюхах. И как раз из этих наемников стал формироваться новый немецкий народ: из финнов, шотландцев, итальянцев, швейцарцев, французов, поляков, венгров...

9. БУНТАШНАЯ АНГЛИЯ

XVII век в России прозвали «бунташным». Действительно, он отметился Смутой, восстанием Разина, соляным, медным, стрельческими бунтами — по сравнению с XVI в. это выглядело ненормальным. Но если сравнивать с западными державами, то наоборот, Русь предстала бы вполне стабильной и благополучной. Куда до нее было, например, Англии!

В отличие от Франции или Испании, Англия была государством не аристократическим, а купеческим. Родовое дворянство перебило друг дружку в средневековых усобицах. Его заменили джентри, «новые дворяне» из разбогатевших торговцев и ростовщиков. Сперва это выглядело удобным и прогрессивным. Джентри были предприимчивыми, заводили мануфактуры и фабрики, ширилась торговля. На них опирались британские короли, дали большие полномочия парламенту. Он состоял из двух палат, пэров и общин, утверждал законы, бюджет. Английские короли объявили себя покровителями всех протестантов. Это тоже казалось выгодным — британцы экспортировали конкурентам мятежи и революции.

Но простонародья выгоды совершенно не касались. Джентри повели «огораживание», сгоняя крестьян с земли. Бродяг обращали в рабов или вешали. Людям оставалось идти только на предприятия с нищенской оплатой и каторжными условиями труда, в городах разрастались трущобы. Найти защиту для простолюдинов было невозможно — мировыми судьями в графствах были те же толстосумы, они заседали и в парламенте: депутаты палаты общин в среднем были втрое богаче лордов. Со временем их аппетиты росли. Парламентарии всячески

ограничивали сбор налогов, это касалось их собственных карманов. Урезали финансирование королевского двора и государственных нужд. Потом стали рваться регулировать королей.

А покровительство протестантам заразило Англию всевозможными ересями, плодились секты. Для британских деляг, как и для их голландских коллег, самой удобной религией оказался кальвинизм с его установками о «богоизбранности» богатых. Англиканская церковь сохраняла многие атрибуты католической. Кальвинисты (в Британии они называли себя пуританами — «чистыми») выдвигали программу ее «удешевления». Требовали уничтожить иконы, алтари, отменить крестное знамение, коленопреклонение. А епископов призывали заменить синодами пресвитеров, которых будет избирать паства. Естественно, подразумевалось, что в синоды попадут те же «богоизбранные».

Кальвинизм стал и идеологией политической оппозиции. Разрабатывались теории «общественного договора». Утверждалось, что первые цари Израилевы избирались народом по воле Бога. Стало быть, и последующие монархи обязаны править в рамках этого «договора», охраняя «народные свободы». Иначе властитель превращается в «тирана», идет против Самого Бога. Поэтому его не только можно, но и нужно свергнуть. А диктовать, как ему себя вести и какие решения принимать, должны синоды пресвитеров. Карл I был неплохим королем, но мягким и нерешительным, и править ему стало абсолютно невозможно. Конфликты с парламентариями катились непрерывно, депутаты не давали правительству денег, придумывали законы, ограничивающие права монарха.

Карл и его советники, граф Стаффорд и архиепископ Кентерберийский Лод, пытались как-то сгладить обстановку. Искали уступки, которые удовлетворили бы оппозицию, но она только воодушевлялась и наглена. Распускали парламенты, а новые составы получались еще хуже, чем прежние. А дополняли напряженность две страны, вошедшие в состав Великобритании. Шотландия соединилась с Англией сорок лет назад, но считалась самостоятельным государством. Король был один, но законы, правительства и парламенты оставались разными. Шотландские бароны испокон веков привыкли своевольничать, склоничать, с королями почти не считались. Им тоже понравился кальвинизм, обосновывавший «свободы» феодалов. В Шотландии его провозгласили госу-

дарственной религией. Бароны превратились в пресвитеров, составили совет, прибрали к рукам всю власть, и лондонские сектанты получали из Шотландии действенную поддержку.

Ирландию англичане покорили оружием, она находилась на положении подневольной колонии. С коренными жителями обращались как с «дикарями», отбирали у них землю, обращали в рабство, заставляя трудиться на английских фермеров. Даже убийство ирландца англичанином наказывалось лишь небольшим штрафом. Конечно, ирландцы были совсем не в восторге, периодически поднимались против захватчиков. Их подавляли крайне жестоко. Чтобы удерживать страну в повиновении, в здешних крепостях постоянно стояли английские гарнизоны. Зато в Ирландии король имел право собирать налоги без парламента. Отчаянно нуждаясь в средствах, Карл I неоднократно пользовался этим. Но источник денег оказался отнюдь не безграничным. Когда подати очередной раз увеличились, терпение ирландцев лопнуло, в 1640 г. они восстали.

Одновременно забузила и Шотландия. Архиепископ Лод издал новый англиканский молитвенник и имел неосторожность послать его шотландцам. Местные пресвитеры восприняли его как оскорбление. Мало того, пришли к глубокомысленному заключению, что они обязаны бороться за торжество своей религии, объявили Англии войну. Точнее, молитвенник стал просто подвернувшимся предлогом. На самом же деле английская оппозиция тайно сговорилась с пресвитерами из Эдинбурга развернуть политическую атаку на короля.

Фарс разыграли, как по нотам. Шотландцы вторглись в северные графства, кричали о походе на Лондон. А в Лондоне парламентарии кричали еще громче, стращали народ «шотландской угрозой». Но при этом отказывались выделять деньги на армию и шантажировали короля — в обмен на финансирование требовали принять целый ряд их условий. С шотландцами заговорщики поддерживали связь, подсказывали им, когда притормозить наступление, а когда поднажать. Те нажимали, а депутаты парламента нагнетали истерию в столице. Наконец, взбунтовали чернь, окружили дворец и угрожали штурмовать его.

Карл совсем растерялся, чувствовал себя беспомощным и капитулировал, согласился на все пункты. Подписал закон, согласно которому парламент не мог быть распущен никем,

только по собственному решению, а король лишался права на любые экстраординарные сборы финансов. Оппозицию страшно раздражали советники короля, их потребовали выдать на расправу. Карлу пришлось пойти и на это. Парламент судил их по сфальсифицированному обвинению в измене, Стаффорда обезглавили, епископа Лода посадили в тюрьму, позже его тоже казнили.

Но денег на войска королю все равно не дали. Парламентарии просто заплатили шотландцам и купили мир. А Карлу предъявили новый список требований, о реформах церкви. Хотя он уже стал прозревать. Узнал, что его положение отнюдь не такое безвыходное, как ему внушили. Что многие графства, значительная часть народа и даже депутатов парламента не испытывают ни малейших симпатий к оппозиционерам. Узнал и о том, что его откровенно водили за нос, устроив «искусственную» войну с шотландцами. Король разгневался, решил разогнать изменнический парламент, арестовать пятерых главных смутьянов.

Не тут-то было! Депутаты уже почуяли свою силу и даже не думали повиноваться. Вместо крамольников повыгоняли парламентариев, верных Карлу, снова подняли толпы сброда в лондонских предместьях. Государя подобное положение совершенно допекло. Он не выдержал. Покинул столицу, уехал в Оксфорд и объявил о сборе своих сторонников. Парламент принялся формировать отряды милиции. Грянула гражданская война. Три года она тянулась без каких-то заметных результатов. «Кавалеры» (роялисты) были более дисциплинированными, били «круглоголовых», парламентских ополченцев. Но британские дворяне не были военными, действовали неумело, плоды побед не использовали.

А среди оппозиции начался внутренний разброд. В парламенте взяли верх умеренные пресвитериане. Но были и более радикальные секты. Индепенденты («независимые») рассуждали — если отвергать епископов в церкви, то зачем сохранять власть короля в государстве? Надо заменить монархию республикой. Еще дальше шли левеллеры («уравнители»). Они утверждали, что правительства вообще не нужно, пусть каждая община живет сама по себе по «божественным» установкам. Были и анабаптисты, браунисты, квакеры, считавшие «спасенными» только себя, а прочий мир погряз-

шим во грехах и уже погибшим, так что с ним можно и не считаться.

В склоках и неурядицах выдвинулся Оливер Кромвель. Происхождения он был достаточно темного, его предки разбогатели в XVI в. на скупке конфискованных церковных земель. В юности он тяжело заболел, еле выжил, с этого времени страдал депрессией и «устойчивой боязнью приближающейся смерти» [47, 108]. Сошелся с какими-то загадочными проповедниками, обратившими его в свою веру. Кромвель избирался депутатом парламента, в войну возглавил отряд из 800 человек. Но его отряд был особенным. Кромвель сформировал его из крайних сектантов — индпендентов, левеллеров, анабаптистов. Ввел у себя общую молитву, институт проповедников-пропагандистов.

Его полк стал идейным, в нем не было пьянства, грабежей, баб, ссор. Командир заботился о подчиненных, четко платил им жалованье, нарушителей дисциплины выгонял вон. Но сектанты вели себя крайне жестоко. Громили англиканские храмы, зверствовали над священниками. Кромвель требовал карать любых противников — роялистов, «папистов» (католиков) и даже тех, кто просто не желал участвовать в усобице. Объявлял, что они «все равно что паписты». Сплоченный отряд начал выигрывать бои.

А индпенденты сцепились в парламенте с пресвитерианами и надумали сделать ставку на Кромвеля. Его успехи в мелких стычках раздувались, преподносились «славными победами», поражения замалчивались или сваливались на пресвитерианских начальников. Газеты стали писать о Кромвеле как «об одном из спасителей (как ему было предназначено Богом) этого Израиля». Но пропагандистская шумиха подействовала и на самого Кромвеля. Он без ложной скромности стал считать себя «избранником Божиим» для спасения страны, а то и всего мира. Мелкий командир проявил себя циничным и беспринципным политиком. Вместе с индпендентами он протащил через парламент «билль о самоотречении», прежним парламентским военачальникам пришлось «самоотречься» от своих постов.

Главкомандующим был назначен Ферфакс, а Кромвель ловко увернулся от «самоотречения» и стал его заместителем. Им поручалось создать «армию нового образца» по таким же правилам, как отряд Кромвеля. Рождение этой армии

из 22 тыс. солдат принесло перелом в ходе боевых действий. Роялистов стали громить в каждом сражении, в 1645 г. Карл I бежал к шотландцам, а они продали короля парламенту за 400 тыс. фунтов стерлингов. Его поместили под арестом во дворце Хэмптон-Корт и... не знали, что с ним делать. Пресвитериане полагали, что надо вернуть его на трон, выработывали условия, на которых можно это сделать. Вели с королем переговоры, но сами же боялись, вдруг он нарушит соглашения? Увязли в спорах, какими же гарантиями надо связать монарха, чтобы он не смог отказаться от договоренностей?

Индепенденты отказывались возвращать Карлу корону, называли пресвитериан «новыми тиранами», а о себе говорили не иначе как о «святых». Ратовали за республику, за «свободу совести» для всех сектантов. Левеллеры призывали к «народовластию», прочие проповедники тянули страну вообще в анархию. Но и реформированная армия превратилась в самостоятельную политическую силу. Кромвель создал «Общеармейский совет» — противовес парламенту. Оттеснил от руководства войсками Ферфакса, провозгласил себя персональным покровителем сектантской «свободы совести».

Парламент осознал угрозу, начал предпринимать меры, чтобы навести хоть какой-то порядок. Посадил по тюрьмам нескольких лидеров индепендентов и левеллеров. Постановил часть армии отправить на усмирение восставшей Ирландии, а лишние войска расформировать. Куда там! Кромвель через своих комиссаров-проповедников сорвал демобилизацию. Полки не разоружились и в Ирландию не поехали. Формально придрались в недоплаченному жалованью, а на самом деле уже нацелились бороться за власть. «Общеармейский совет» принялся один за другим издавать трескучие политические документы. Брал обязательства защищать «свободы», контролировать работу парламента. Короля обвинил в измене — за то, что он в период боев обращался за помощью к французскому королю и лотарингскому герцогу.

Между тем, положение в Англии было плачевным. Гражданская война унесла более 100 тыс. жизней — большей частью из мирного населения. Страна была разорена, предприятия не работали, сельское хозяйство еле теплилось. Цены росли. Даже хлеб стал роскошью, люди умирали от голода. А победители спешили вознаградить себя. Расхватывали конфискован-

ные владения роялистов, короля, церкви. Причем в хищничестве пресвитериане и индепенденты не уступали друг другу.

Но простой народ такое правление совсем замучило. В июле 1647 г. взбунтовались жители Лондона. Толпа ворвалась в палату общин, орала на депутатов, чтобы вернули власть королю, при нем жилось не в пример лучше. Карлу теперь сочувствовало большинство англичан, даже из тех, кто раньше выступал под знаменами оппозиции. Он понадеялся, что в сложившихся условиях сможет выиграть. Помогли и охранявшие его офицеры, он легко скрылся из-под ареста и уплыл на остров Уайт. В общем-то, его прогнозы сбывались. На сторону Карла перешел британский флот. В Шотландии пресвитериане посмотрели на лондонские склоки и тоже пришли к выводу: лучше уж монархия, чем разгул сектантов. Решили воевать за короля. По всей Англии разгорались восстания.

А «армия нового образца» стала ненадежной, ее разлагали левеллеры, взбунтовались четыре полка, требуя уравнивать всех граждан в правах, переделить собственность. Тем не менее, Кромвель справился с недовольными. Он имел огромный авторитет среди солдат, привлек «святых», то бишь собственных военных проповедников. Полки удалось усмирить без боя, кое-кого из зачинщиков расстреляли. Кромвель серьезно перешерстил войска, пересажал или поувольнял левеллерских активистов. Но и сориться с сектантами он не хотел, ввел негласное правило — веруй как хочешь, только не выступай против командования. А с «советом святых» в апреле 1648 г. провел совещание, на котором приняли секретное постановление — умертвить короля. Дисциплина в армии восстановилась, и ее бросили на повстанцев.

Вторая гражданская война стала еще более страшной, чем первая. Кромвель объявил, что сама ее причина — «снисходительность» после первой войны. А вина противников вдвое больше, чем в первой. Ведь в прошлый раз Бог продемонстрировал Свою волю, даровал победу пуританам. Значит, мятежники поднялись против Бога. В приказах по войскам требовалось «мстить». Мстили сожженными фермами, разгромленными городками, массовыми казнями.

Хотя восстания, распространившиеся на Норфолк, Суффолк, Эссекс, Кент, Уэльс, не были едиными. В одних местах выступили роялисты, в других пресвитериане, пытавшиеся защитить парламент от диктата армии, в третьих взбунтова-

лись просто голодные крестьяне и горожане. Эти разрозненные очаги передавали за пару месяцев. Потом Кромвель повернул на шотландцев. В августе 1648 г. в сражении у Престона они были разбиты и согласились заключить мир. А после того, как со всеми противниками было покончено, военное руководство показало зубы парламенту. «Общеармейский совет» призвал «вычистить» оттуда пресвитериан.

Палата общин была в шоке. Перепуганные депутаты наконец-то прекратили пустые споры, 140 голосами против 104 постановили, что надо договориться с Карлом I, пусть снова правит, если сохранит парламенту завоеванные им «свободы». Короля пригласили в Лондон. Он был совсем не против примирения, приехал, готовился подписать предложенные ему документы и занять место на троне. Но выиграл тот, в чьих руках была сила. Кромвель отбросил уже и видимость законности. 2 декабря его армия вступила в Лондон, бесцеремонно захватила Карла в плен. Капитан Прайд с солдатами ворвался в палату общин, арестовал или повыгонял 150 депутатов. Другие парламентарии, возмущенные такими действиями, сами ушли прочь. От палаты осталось 50—60 человек, согласных безоговорочно голосовать за что угодно, в народе их прозвали «охвостьем».

Кромвель устроил грандиозную чистку и среди прочих горожан. Бунтовавшую чернь и всех, кого подозревали в симпатиях к роялистам или пресвитерианам, выселяли из Лондона — иди куда хочешь, замерзай на дорогах, подымай от голода. Жертвы Кромвеля не смущали. Он занесся до того, что начал отождествлять собственные решения с волей Господа. Даже объяснять их не трудился, ссылаясь на «неизбежность». Разогнал депутатов? Ну и что ж, «неизбежность» вынудила. Значит, Богу так угодно.

По указке «Общеармейского совета» и Кромвеля «охвостье» палаты общин приняло беспрецедентное в ту эпоху постановление: судить короля. Опять же, «неизбежность». Король сам виноват, слишком много нагрешил. Правда, палата лордов единогласно выступила против, но ее разогнали вслед за палатой общин. «Охвостье» столь же послушно проголосовало — ликвидировать верхнюю палату. Дело короля не принял к рассмотрению ни один из британских судов. Но и это не смутило. Клика Кромвеля собрала трибунал из армейских «святых». За чем «святым» какие-то формальности и условности?

Карла признали «тираном», изменником, убийцей, общественным врагом и приговорили к смерти. Не только судьи, а даже городской палач отказался участвовать в столь грязном злодеянии. Не беда, на его место добровольно вызвался фанатик-офицер Томас Ферфакс. 30 января 1649 г. Карлу I при всем честном народе оттяпали голову. Через две недели «охвостье» приняло новые законы, королевская власть вообще упразднилась, Англия провозглашалась республикой, вся власть передавалась «палате общин». То бишь «охвостью», не смевшему чихнуть без указания Кромвеля.

Подтверждалась «свобода совести» для любых сектантов. Хотя в какого бога верил сам Кромвель, какие проповедники «обратили» его в свое время, остается скрытым во мраке. Во всяком случае, не пуританские, не индипендентские, не левеллерские или анабаптистские. Он не принадлежал ни к одной из известных британских сект и к их учениям был равнодушен. Он вообще не любил имени Христа. Даже 1649 год от Рождества Христова было решено переименовать в «Первый год свободы».

Факты говорят о том, что вера Кромвеля была близка к ереси «жидовствующих», разгромленных в России Иваном Грозным. К евреям диктатор был чрезвычайно благосклонным, при нем появился некий раввин Менессах бен Израэль, они совещались за закрытыми дверями [47, 108]. Беспощадно преследуя «папистов», Кромвель высказал вдруг предложение запустить в Англию иудеев, позволить им открыто исповедовать свою религию. Доказывал, что они «принесут в республику много богатства». Тут уж подивились даже ближайšie подручные Кромвеля. Для воинствующих сектантов поощрение чуждой веры выглядело слишком диким, они дружно выступили против. Однако Кромвеля это не остановило. Он открыл иудеям свободный въезд в Англию неофициально, единоличным распоряжением.

10. БУНТАШНАЯ ФРАНЦИЯ

Католицизм сумел остановить распространение Реформации довольно простым, но эффективным способом. Он негласно разрешил разврат. Протестанты в данном вопросе были непримиримыми, вводили страшные ветхозавет-

ные законы. В германских лютеранских княжествах мужчин и женщин, уличенных в прелюбодеянии, выставляли нагими на площадях у позорных столбов, забивали камнями, сжигали. В Англии пуритане и индипенденты тоже рьяно взялись за исправление нравов. Парламент принял «Закон о супружеской неверности», предписывающий смертную казнь обоим согрешившим. Этот закон неуклонно исполнялся, а сектантские «святые» получили право в любой час дня и ночи заходить в чужие дома для проверки поведения.

Католические священники легко отпускали подобные грехи. Рим стал довольно лицемерным городом. На улицах строго соблюдались приличия, женщинам запрещалось даже сверкать голыми руками, их прикрывали особыми накидками. А за закрытыми дверями в домах кардиналов, епископов, в папском дворце устраивались балы с танцами, пиры, церковные иерархи окружали себя художниками, поэтами, содержали любовниц.

А уж для Франции разница между католической и протестантской моралью сыграла решающую роль. Оппозиция могла считать себя кальвинистами (здесь их называли гугенотами), но суровые кальвинистские порядки не имели шансов стать популярными. Франция традиционно была самой развращенной страной Европы. Карьера, искусство, политика, все было густо замешано на половых отношениях, и высший свет целиком отдавался чувственным наслаждениям.

Французские моды преднамеренно выставляли напоказ прелести. Декольте углублялись до предела, бюст оголялся так, чтобы при желании просматривались даже соски. А для тех, кто хотел показать себя вообще без одежды, достаточно было нанять художника и заказать свой портрет в облике «Венеры» или «Дианы». Аналогичной цели служили придворные балеты. Во Франции в них выступали не актрисы, а знатные дамы, желающие прилюдно посверкать наготой «античных богинь». Правда, западные критерии красоты очень отличались от нынешних — ценились женщины полные, рыхлые, расплывшиеся. Поэтому бедра специально расширяли фижмами — юбками на металлическом каркасе, который пристегивался к телу ремнями.

Для заведения знакомств действовали разные системы «сигнализации». Например, короткие локоны на висках назывались «кавалеристами», длинные, спускающиеся до плеч —

«мальчиками», показывая, какого партнера предпочитает дама. Аббат Рино описывал, что использовались и шелковые бантики, имеющие «свои названия и значения, судя по цвету и месту, где они приколоты... перемещаемые в известном порядке, они без слов объявляют избраннику: «вы мне нравитесь», «я вас люблю», «следуйте за мной», «я ваша». Пресытившись обычным развратом, знать искала острые ощущения в извращениях и политических заговорах.

Французская оппозиция коренным образом отличалась от британской. Там против короля выступали купцы и ростовщики, жаждущие еще больших «свобод». Во Франции эта публика поддерживала королевскую власть, способную хоть как-то защитить их от разгула дворян. Оппозицию составляли аристократы. Вот их-то тянуло выйти из-под опеки монарха, и они интриговали, изменяли, переходили на сторону враждебных государств. Но во Франции это не считалось предательством, входило в число дворянских «свобод». Иногда для острастки казнили какую-нибудь мелочь, а высокопоставленные сановники оставались неприкосновенными, чем и пользовались.

Вокруг трона собралась целая свора «принцев крови», алчных и эгоистичных. О, это были фигуры весьма колоритные. Дядя короля Гастон Орлеанский, дурак и трус, всегда закладывавший своих соратников по заговорам. Лучший полководец Конде из рода Бурбонов — он числился вождем гугенотов, хотя на деле оставался безбожником и распутником. С ним могла соревноваться только сестра, по мужу герцогиня де Лонгвиль, она любила затаскивать к себе в спальню неопытных юношей и девушек и лично преподавать им постельную «науку». Принц Конти родился горбуном, но и он славился «подвигами» по жеребцовской части. А принц Гонди пошел по церковной линии, в возрасте 9 лет стал аббатом, в 14 лет настоятелем собора Парижской Богоматери, а потом для него выпросили у папы сан архиепископа Коринфского. Гонди содержал сразу 3—4 знатных любовницы и резвился с ними одновременно. Эту компанию дополняли бастарды прежних королей принцы Вандомские, Бофоры, Буйонны, и каждого окружала толпа прихлебателей-дворян [24].

Парламенты Парижа и провинций во Франции были не законодательными, а судебными органами. Члены парламентов не избирались, а покупали свои должности. Они станови-

лись «дворянами мантии», освобождались от налогов, и выгодно играли на этом, организовывали «крыши» для торговых и ростовщических контор. Но парламент обладал важной прерогативой — регистрировать правительственные акты, чем тоже выгодно пользовался. Если указ или распоряжение не нравились судейским, они придирались, что данный указ противоречит тем или иным законам, отказывались регистрировать.

Франция победила в Тридцатилетней войне, но она продолжала войну с Испанией, а финансовое состояние зашло в полный тупик. Доходы казны составляли 12 млн. ливров при расходах 200 млн. Недостачу покрывали внутренними займами — и только годовые проценты к выплате достигли 20 млн. Их выдавали с задержками, вместо денег навязывали облигации новых займов. Правительство придумывало и продавало новые должности, заключало соглашения с откупщиками-финансистами. Отдавало им на откуп сбор налогов, другие статьи доходов, и вливания от ростовщиков достигли 80% бюджета.

Но мыльный пузырь может расти лишь до определенного предела... В 1648 г. оказалось, что доходы казны за следующие 3 года уже «съедены», откупщикам предложить больше нечего. А деньги требовались, как воздух! До сих пор правительство выкачивало их в основном из провинций. Многолюдный Париж сердить опасались, баловали его, чтобы не взбунтовался. Теперь пришлось взяться за столицу. Кардинал Мазарини изобрел несколько статей дохода — дополнительные налоги на богатых граждан, домовладельцев, повысил пошлины на ввоз товаров в город, выставил на продажу 12 новых должностей в парламенте.

Однако его нововведения напрямую ударили по карманам парламентариев. Они-то и были богатыми гражданами, домовладельцами, торговали, а делиться доходами с новыми владельцами должностей не желали. Парижский парламент поднял бучу, скандалил, протестовал. Но ведь в это же время в Англии парламент уже захватил государственную власть. У распалившихся французских судейских вскружились головы, они размечтались, что смогут и для себя урвать права на уровне британских.

Составили декларацию из 27 пунктов. Требовали передать им контроль над финансами, уменьшить налоги, запретить королю арестовывать и отстранять их братию от

должностей созвать «палату правосудия» для расследования злоупотреблений чиновников, преследовать и наказать откупщиков. Некоторые пункты, содранные с британских образцов, оказались просто глупыми. Потому что во Франции парламентарии сами были чиновниками, крепко повязанными в злоупотреблениях, две трети из них участвовали в махинациях откупщиков, им пришлось бы судить самих себя.

Но для разжигания смуты стоило. Взбудоражили парижан, устроили манифестацию к Лувру. Королева Анна Австрийская, чтобы успокоить страсти, подписала декларацию. Но ни к чему путному это не привело. Правительство осталось без денег, платить по займам стало нечем, и оно объявило о своем банкротстве. Все займы аннулировались, а вкладчикам неопределенно обещали, что долги им выплатят когда-нибудь позже. Но многие парижане вложили все средства в государственные облигации. Всплеснула вторая волна негодования. Опять подключились парламентарии. Королева попробовала припугнуть их, арестовала троих главных смутьянов, однако это стало искрой общего взрыва. Париж восстал, начал строить баррикады. Арестованных быстренько выпустили, но уже не помогло. Столица бушевала, гвардейцев, посланных навести порядок, прогнали градом камней. Так началась смута, получившая название «Фронда» (праща).

Королева и Мазарини постарались побыстрее выбраться из эпицентра мятежа. Взяли малолетнего Людовика XIV, двор собрал пожитки и выехал в Сен-Жермен. Парижане сперва не придали этому значения — привыкли, что короли часто отправляются в загородные резиденции. Оставшись без властей, разбуянились пуще прежнего. Причем объединились и чернь, и чиновники, и знать. Парламент объявил Мазарини вне закона, освободил всех заключенных. А принц Гонди загорелся возглавить мятеж. Начал формировать армию и обратился за поддержкой к Испании. Странников короля избивали, дома грабили, разоряли даже могилы. Вслед за Парижем запольхали провинции — Прованс, Гиень, Нормандия, Пуату. Бордо восстал как бы уже «по привычке» — за 50 лет в нем было 160 мятежей. Взбунтовались герцоги Лонгвиль, Буйонн, герцог Нуармутье перекинулся к испанцам. А маршал Тюренн кочевряжился, предлагал услуги обеим сторонам, кто больше даст?

Хотя первая вспышка Фронды быстро выдохлась. Принц Конде и немецкие наемники одержали серьезные победы над испанцами, надежда на помощь извне рассеялась. Тюренна Мазарини перекупил. Бордо уладили амнистией и обещанием снизить налоги. Королевские войска громили разношерстных повстанцев по провинциям. Рядовых бунтовщиков вешали. Высокородных не только простили, но и щедро приплатили. Нуармутье получил 150 тыс. ливров, де Ламотт — 200 тыс., Эльбеф — 300 тыс., Лонгвиль — 700 тыс.

А армия Конде, высвободившись с фронта, двинулась к Парижу. Анна Австрийская встретила ее и объявила, что она и юный король отдаются под защиту военных. Это чрезвычайно польстило Конде, растрогало солдат и офицеров. Войска окружили столицу, разоряли пригороды. Перекрыли дороги разъездами. Парижан, попавшихся в руки солдат, топили в Сене. Но и настроения в столице менялись. Ведь значительная часть ремесленников и торговцев жила обслуживанием королевского двора и отирающихся при нем дворян. Источник доходов исчез, они разорались, из-за блокады начали голодать.

Ну а вдобавок ко всему, прокатилось потрясающее известие — в Англии казнили короля! Французы в ту эпоху глубоко почитали своего монарха, цареубийство у соседей буквально ошарашило всю страну. Анна Австрийская и ее подрастающий сын встряхнулись, сочли это грозным предупреждением для себя. Путь английских королей, путь уступок, они отвергли, от любых переговоров с парламентом отказались. Но раскололись и фрондеры. Самая отпетая шпана продолжала буйствовать, шумела, что надо отправить на плаху Анну. Но более благоразумных британские события протрезвили. Докатиться до такого беспредела, как англичане, они боялись. Ремесленники, дворяне, купцы, парламентарии стали перебегать в Сен-Жермен. Мазарини без труда достиг с ними соглашения, пообещал не беспокоить парламент и не задолжать слишком много. В августе 1649 г. двор вернулся в Париж, причем массы горожан восторженно приветствовали короля и королеву.

Казнь Карла I ошеломила не только французов, но и всю Европу. Она вообще поставила британцев за грань тогдашнего «цивилизованного мира». Дипломатов революционной Англии нигде не принимали, им не подавали руки как преступникам, двоих послов убили на дуэлях. Но и в самой Англии расправа над королем ничуть не прекратила разброда.